

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Продано более

2,5 миллиона

экземпляров

**ЛУЧШИЕ
ДЕТЕКТИВЫ
БЕЛЬГИИ**

Новый роман о выдающемся инспекторе Ван-Ине.
Современный Эркюль Пуаро в действии!

ПИТЕР

**УБИЙЦЫ
МИДАСА**

АСЛЕ

Преступникам не удастся
залечь на дно, пока в
полиции Брюгге работает
инспектор Питер Ван-Ин!

Kirkus

Питер Ван-Ин

Питер Аспе
Убийцы Мидаса

«Центрполиграф»

1996

Аспе П.

Убийцы Мидаса / П. Аспе — «Центрполиграф», 1996 — (Питер Ван-Ин)

Морозным утром на одной из центральных улиц Брюгге обнаружен смертельно раненный мужчина. А ночью кто-то взорвал памятник известному фламандскому поэту. Руководство города в панике: главный источник дохода Брюгге – туризм под угрозой. Люди не захотят посещать город, в котором убивают иностранцев и взрывают памятники. Расследование ведет комиссар полиции Ван-Ин. Комиссар разрабатывает несколько версий, но его знаменитая интуиция подсказывает ему, что между убийством и взрывом памятника есть связь. И что хуже всего, будут новые преступления...

© Аспе П., 1996

© Центрполиграф, 1996

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Питер Аспе

Убийцы Мидаса

Посвящается моим дочерям Тессе и Мире

Пусть тот, кто ищет, продолжает искать, пока не найдет. И когда он найдет то, что искал, будет потрясен. Но, как только страх и удивление пройдут, он будет царствовать над всем.

Евангелие от Фомы

Лучший предсказатель будущего – это прошлое.

Байрон

De Midasmoorden

Copyright © 1996 Uitgeverij Manteau / WPG

Uitgevers België nv en Pieter Aspe. WPG Uitgevers België nv,
Mechelsesteenweg 203, B-2018 Antwerpen, België.

«Убийцы Мидаса» © Перевод и издание на русском языке, ЗАО
«Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Андриан Френкель поднес к губам стакан, наполненный какой-то мутной, тепловатой жидкостью, выданной за коктейль, и сделал глоток. Вкус был просто отвратителен. Поморщившись, он постучал по стакану перстнем с печаткой, чтобы привлечь к себе внимание.

– Официант! – позвал он.

Бармен протирал стойку, всем своим видом показывая, что ему решительно наплевать на посетителя-голландца. Отложив в сторону тряпку, он окинул клиента презрительным взглядом.

– Прости, дружище, но я не могу пить эту гадость, – сделав вид, что не замечает выражения его лица, проговорил Андриан.

– Месье чем-то недоволен? – надменно усмехнувшись, поинтересовался бармен.

Марио – так его звали – бесцеремонно рассматривал капризного посетителя в ожидании ответа. Он выглядел как типичный житель Средиземноморья и был небрежно выбрит.

– Нон, – застенчиво глядя на бармена, с трудом подбирая слова, проговорил голландец. – Е вокс... Э-э... Дайте мне... – Андриан не был силен во французском. Его словарный запас был крайне мал, и потому ему пришлось ограничиться этой короткой, путаной фразой.

Смерив голландца очередным презрительным взглядом, бармен забрал у него стакан и, ни слова не говоря, вылил его содержимое в раковину. Френкель пожал плечами. «Вот она, Бельгия», – подумал он и нахмурился.

Андриан кивнул на батарею бутылок за стойкой. Он чувствовал себя словно первооткрыватель неизвестных земель девятнадцатого века среди дикарей-аборигенов. Он был один, в чужой стране. Вдобавок почти не говорил по-французски.

Лицо Марио просветлело. Торжествуя улыбнувшись Френкелю, он взял с полки чистый стакан, смешал джин с апельсиновым соком и протянул его голландцу.

– Господи! – сделав глоток, воскликнул Андриан. – Что это за гадость?

Марио пожал плечами.

– Ну ладно, я сдаюсь, – со вздохом проговорил Френкель, возвращая недопитый стакан. – Вы девать мне... бон... Я платить.

Он тряхнул головой. В эту минуту Андриан больше всего напоминал Тарзана.

– О, сэ нэ па бон... Вам же не понравилось, – невинно улыбнувшись, проговорил Марио.

Френкель начал терять терпение. «Итальянскую виллу» ему порекомендовал его друг как лучший бар в Брюгге. Самые горячие напитки и самые горячие девушки во всем городе – так охарактеризовал он это заведение.

– Я имел в виду бон... чек, чтобы я мог представить его своему начальнику, – со вздохом проговорил Френкель. Потихоньку им овладевало настоящее отчаяние.

Марио забрал у него стакан и посмотрел на просвет, словно хотел понять, что в этом напитке не устраивает клиента.

– Наверное, месье предпочитает виски, – по-отечески глядя на голландца, проговорил наконец Марио.

Френкель закрыл лицо руками. Он задыхался.

– Ну хорошо, пусть будет виски, – обреченно вздохнув, согласился он.

Денек выдался на редкость паршивый. Он так и не смог найти себе девушку на вечер, и ему оставалось только напиться. Марио указал на бутылки, стоявшие на полке за стойкой.

– Да, – улыбнувшись, проговорил Френкель. – Я хотел бы выпить «J&B»,¹ если, конечно, он у вас есть.

¹ Знаменитая марка виски. (Примеч. ред.)

Бармен провел пальцем по бутылкам, стоявшим на полке, и, специально пропустив «J&V», указал на «Чивас».

– Ну хорошо, пусть будет «Чивас», – покорно согласился Френкель и опять вздохнул.

– Отличный выбор, месье, – одобрил Марио, подмигнув Френкелю, словно они были закадычными друзьями.

Бармен протер стакан, высоко поднял его и улыбнулся своей «фирменной» улыбочкой. Эта обезьянья гримаса Марио начинала действовать Френкелю на нервы. А тот как ни в чем не бывало, словно не замечая раздражения клиента, вынул из ведерка кубик льда и вопросительно взглянул на голландца.

Френкель кивнул, и тогда Марио бросил лед в стакан с виски. Раздался характерный всплеск. Затем он бросил в стакан еще один кубик и опять вопросительно посмотрел на Френкеля.

– Ви, ви, еще один, – попросил голландец.

Когда Марио бросил в стакан четвертый кубик, Френкель жестом дал ему понять, что льда в стакане достаточно.

– Баста, – задыхаясь, прибавил Френкель, так как не был уверен, что Марио правильно истолковал его жест.

Марио улыбнулся, словно сицилийский пастух, который выбирает из стада овцу на обед. И достал из холодильника бутылку кока-колы.

В бар вошли новые посетители. Это были ярко накрашенные проститутки в откровенных нарядах. Часть из них отправилась на танцпол, а остальные расселись на табуретах у стойки.

– Даже жаль портить колой такое превосходное виски, – проговорил Марио, наливая колу в стакан с «Чивас».

Френкелю с огромным трудом удавалось сдерживать раздражение, растущее с каждой минутой. Он не заказывал колу.

Марио сделал музыку на полную мощность. Он знал вкусы своих посетителей. В баре стало очень шумно от оглушительно грохочущей музыки и топота танцующих.

Френкель взглянул на свой напиток. Смесь колы, льда и виски выглядела отталкивающе. Музыка была невыносимо громкой. От всего этого Френкеля затошнило. Одним глотком он осушил стакан, расплатился и уже собирался покинуть бар, как вдруг, неожиданно для самого себя, направился к диванчику в конце переполненного зала. Лицо его приняло угрюмое выражение. Здесь было гораздо тише и спокойнее, чем у стойки. Да и потом, у него все равно не было выбора. Конечно, Френкель мог вернуться в отель. Но что ждало его там? Одинокая постель и бессонная ночь. В отеле он напился бы еще сильнее, чем здесь, в баре.

«Вилла мафиозо» опозорилась по всем статьям, – подумал Андриан Френкель, с утомленным видом опустившись на потертый кожаный диванчик. – Еще никогда меня не заносило в такой паршивый бар».

– Голландцы просто обожают эти диванчики, – говорил между тем Марио своему коллеге, долговязому, бледному, худому официанту, отдаленно напоминающему графа Дракулу.

– Он требует, чтобы я подписал его счет. Эти голландцы такие занудливые, – пожаловался Марио. У него был резкий брюггевский акцент.

Его бледный товарищ вымученно улыбнулся:

– Надеюсь, он тебя не слышит. Голландцы – наши самые выгодные клиенты.

Пожав плечами, Марио разлил пиво по кружкам для четырех новых посетителей.

– И отчего ты всегда такой унылый, Жак? – чуть насмешливо глядя на своего коллегу, спросил Марио. – Я уже думал, ничто в этом мире не способно заставить тебя улыбнуться.

С этими словами Марио выпил джин с апельсиновым соком, от которого отказался голландец, и подписал счет Френкеля. Двести восемьдесят франков за коктейль и триста двадцать за виски с колой.

В бар вошел мистер Джордж с приятелем. Мистер Джордж был завсегдаем «Итальянской виллы». И потому двое официантов поспешили им навстречу, чтобы помочь снять пальто.

– Надеюсь, мы можем расположиться на диванчиках? Они ведь свободны, Жак? – величественно и вместе с тем приветливо спросил мистер Джордж.

Жак взглянул на диванчики. Кроме голландца, там никого не было.

– Там только один человек, – сказал Жак. – Иностранец. И к тому же он изрядно пьян.

Мистер Джордж улыбнулся во всю ширину своего большого рта. В эту минуту он напоминал лягушку.

Смех мистера Джорджа разносился по всему бару. Этот человек всегда необыкновенно громко смеялся. И по смеху этого господина никогда нельзя было угадать его настроение. Мистер Джордж смеялся даже, когда находился в скверном расположении духа.

– Ничего страшного, Жак. Он нам не помешает, – успокоил официанта мистер Джордж, сунул пухлую руку в карман и вынул оттуда купюру в две тысячи франков.

– Сделай так, чтобы нам никто не мешал, и принеси бутылку «Руинарта» урожая 1983 года.

– Считайте, что это уже сделано, мистер Джордж, – почтительно произнес Жак.

Как всегда, Жак был необыкновенно любезен. Любезность его объяснялась весьма прозаически: у Жака было трое детей, и он едва сводил концы с концами. Он из кожи вон лез, чтобы заработать побольше чаевых.

Андриан Френкель окинул новых посетителей задумчивым взглядом. Эти пожилые господа не могли скрасить его одиночество. Он бы с удовольствием ушел из бара, но выпитое давало о себе знать. Голова его кружилась, и он никак не мог заставить себя встать. Он лениво наблюдал за тем, как Жак открывает шампанское для мистера Джорджа и его спутника. Когда официант закончил свои манипуляции, Френкель заказал вторую порцию виски с колой. Вряд ли в этот вечер ему удастся познакомиться с какой-нибудь девушкой. А даже, если бы подходящая особа и появилась, у Френкеля все равно не хватило бы сил на разговор с ней. Не говоря уж о чем-то большем. Так что ограничивать себя в выпивке не было никакого смысла.

– Ach, wunderbar, Georg,² – проговорил спутник мистера Джорджа.

Они сидели совсем рядом, и Френкель хорошо слышал их разговор. Спутник мистера Джорджа чем-то напоминал героя второразрядного фильма Висконти с Дирком Богартом. Он поставил свой черный дипломат на мраморный кофейный столик.

– Ja, mein freund,³ бар просто замечательный, – на ломаном немецком проговорил мистер Джордж. – Все идет по плану. Через пару месяцев мы сможем взять под свой контроль весь рынок. Мы должны за это выпить.

Немец натянуто улыбнулся. Улыбка его была фальшивой и оттого отталкивающей.

– Ваше здоровье! – сказал он по-немецки и одним глотком осушил свой бокал.

Мистер Джордж и его спутник пили шампанское жадно, словно лошади на водопое, проскакавшие галопом не одну милю. Буквально через полчаса мистер Джордж заказал еще одну бутылку шампанского. Что касается Френкеля, он даже не притронулся к своему виски. Он удобно устроился на кожаном диванчике и с интересом стал слушать разговор между мистером Джорджем и немцем. Голова его перестала кружиться.

– Значит... Вам удалось уладить то, другое дело, – сказал немец.

Эти двое успели изрядно опьянеть и говорили так громко, что Френкель, совершенно не напрягаясь, мог разобрать каждое сказанное ими слово.

– Дитрих, вы же меня знаете, – самодовольно сказал мистер Джордж. – Конечно же я все уладил.

² Ах, какой замечательный бар, Джордж (нем.).

³ Да, мой друг (нем.).

– Gut,⁴ – кивнул Дитрих. – Но у людей из Мюнхена осталось еще множество вопросов. Не все хотят заниматься этим проектом, а некоторые даже категорически против.

– Ach scheisse,⁵ наши дела обстоят не так хорошо, как кажется на первый взгляд, Дитрих, – проговорил мистер Джордж. – Я прекрасно понимаю ваши опасения. Но разве события сегодняшнего вечера не убедили вас в том, что беспокоиться не о чем?

– Правление ценит ваши заслуги, Джордж, – сказал немец. – Я с удовольствием написал бы об этом в своем отчете, но...

– Вы можете мне доверять, Дитрих. Через месяц состоится совещание, которое все решит. Новый бургомистр против нашего проекта. Боюсь, с ним могут возникнуть проблемы. Но он не способен предпринять в отношении нас ничего серьезного. Так что беспокоиться не о чем.

Ответ мистера Джорджа явно не понравился Дитриху Фиддлу. Несмотря на то что немец выпил четыре бокала шампанского, голос его оставался по-прежнему холодным.

– Не стоит сбрасывать этого бургомистра со счетов, – возразил Дитрих. – Подобные мелочи способны испортить весь проект. И тогда о слиянии компаний не может быть и речи.

– Передайте своим людям из Мюнхена, что я всегда выполняю свои обещания. – Мистер Джордж кивнул в подтверждение своих слов. – К Пасхе дело будет сделано, уверяю вас. Не понимаю, что может смущать этих немцев. Мы, фламандцы, всегда держим свое слово. Вы же прекрасно это знаете, Дитрих. На меня можно положиться.

Немец огляделся вокруг. Взгляд его был печален, как у раненого ястреба. Он с подозрением посмотрел на Френкеля, жадно ловившего каждое сказанное ими слово.

– Запомните, Дитрих. Вам совершенно не о чем беспокоиться и...

– Вопрос в том, как все это будет осуществляться на практике, Джордж, – бесцеремонно прервал его Дитрих. – А вообще идея выглядит довольно заманчиво. Скоро «Киндерман» станет самым крупным туроператором в Европе. А после слияния компаний вы станете старшим менеджером. Так что не задавайте лишних вопросов, Джордж, и наслаждайтесь преимуществами, которые дает вам эта работа.

Мистер Джордж выпил новый бокал шампанского. Френкель представил, как дорогой пенный напиток движется по его пищеводу вниз, прямо в желудок.

– Но я до сих пор не могу понять, почему это должно было случиться сегодня вечером, – сказал он. – Слава богу, нам удалось выкрутиться, и теперь дела обстоят даже лучше, чем раньше. Мы обсудим все детали в понедельник.

Дитрих нервно провел костлявыми пальцами по своим гладко зачесанным назад волосам. Бельгиец не знал, что Дитрих является всего лишь пешкой в игре, правила которой известны лишь узкому кругу лиц.

– Герр Ляйтнер хочет, чтобы документы, заверенные нотариусом, завтра утром лежали у него на столе, – строго проговорил Дитрих. – Он не станет ждать до понедельника.

– Брюгге – замечательный город, не так ли? – со смехом спросил мистер Джордж. У него не было ни малейшего желания говорить о герре Ляйтнере, и потому он поспешил перевести разговор на другую тему.

Дитрих Фиддл поднял стакан и посмотрел на свет, словно проверяя качество его содержимого.

– Да, Брюгге действительно замечательный город, – согласился немец. – К сожалению, многие здания – фальшивка, как декорации в театре.

Мистер Джордж хихикнул, а Френкель моргнул.

⁴ Хорошо (нем.).

⁵ Да, конечно (нем.).

– Вы преувеличиваете, Дитрих, – продолжая смеяться, возразил мистер Джордж. – Каждый год со всего мира сюда стекаются миллионы туристов. Им нравится атмосфера этого города.

– Да, именно из-за здешней атмосферы они сюда и приезжают. Ведь, кроме этого, здесь нет ничего особенного, – надменно проговорил Фиддл. – Но как бы там ни было, я с вами согласен: Брюгге – очень популярное место. Вот почему «Киндерман» собирается вложить в этот проект триста миллионов марок. Клиент всегда прав. И, если туристы хотят ездить сюда, мы предоставим им такую возможность. Ведь это принесет нам колоссальную прибыль.

Френкель не до конца понял, что имел в виду Дитрих Фиддл. Мистер Джордж вновь разлил шампанское по бокалам.

– Вы сказали, что большинство зданий в Брюгге похожи на декорации в театре. Что вы имели в виду? – спросил он немца. – Брюгге очень старый исторический город. Здесь много средневековых зданий и памятников.

Немец поднес бокал к губам и сделал глоток. В эту минуту он напоминал скучающего лебедя. Френкель видел, как его кадык движется вверх и вниз.

– Nein, Georg,⁶ – проговорил он. Тон его был таким холодным и надменным, что Андриан Френкель поежился. – Только некоторые памятники в Брюгге являются подлинными. Остальные – всего лишь фальшивка. – Фиддл снисходительно улыбнулся.

Мистер Джордж занервничал. Он резко выпрямился на стуле. Прыщи на его бледном одутловатом лице, казалось, стали еще ярче.

– Вы говорите ерунду, – проворчал он. – Брюгге – старый исторический город.

– Здание муниципалитета, церкви и колокольня – настоящие. Спору нет, – все так же снисходительно улыбаясь, проговорил немец. – Но остальные здания либо построены в неоготическом стиле, либо отреставрированы так, что их нельзя узнать, либо же, как я и говорил, просто подделка и ничего больше. Так что здесь и правда практически нет ничего стоящего.

– Дитрих! Что вы говорите? – возмущенно воскликнул мистер Джордж.

Рука мистера Джорджа дрогнула, и он расплескал полбокала шампанского за пятьдесят марок.

– Можете мне не верить, – надменно глядя на своего собеседника, проговорил Дитрих. Он опять сделал глоток из своего бокала.

Френкель решил последовать его примеру и выпить холодного виски с колой. Больше всего на свете ему хотелось наброситься на этого негодяя из Германии с кулаками.

– Я могу открыть вам один секрет, подтверждающий мою правоту, – все больше и больше распаляясь, заявил Фиддл.

– Не стоит, Дитрих, не стоит. Я и так вам верю. Честное слово, – пытался утихомирить Фиддла мистер Джордж. – Не хотите ли кофе? Я могу попросить официанта принести нам по чашке.

– Вы в своем уме? – гневно сверкая глазами, прокричал немец.

– Все хорошо, Дитрих, – попытался успокоить его мистер Джордж. – Я готов вас выслушать. О чем вы хотели мне рассказать?

– Сначала я хотел бы заказать бутылку шампанского, – проворчал Фиддл.

Андриана Френкеля эта сцена забавляла. Уже неоднократно ему приходилось наблюдать резкие перемены настроения у членов высшего общества. Они менялись на глазах. Еще минуту назад этот немец был образцом для подражания. Теперь же он совершенно забыл о приличиях.

Мистер Джордж поднял палец, чтобы позвать официанта. Жак, словно старая гончая собака, мгновенно прибежал на зов.

⁶ Нет, Джордж (нем.).

Дитрих Фиддл ждал возвращения Жака, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Вскоре официант вернулся уже с третьей по счету бутылкой «Руинарта». «Не многовато ли для одного вечера?» – с усмешкой подумал Андриан Френкель.

– Мой отец знал всю подноготную брюггевского искусства, – снова заговорил Дитрих, осушив свой бокал. Теперь, успокоившись, немец произносил слова гораздо тише. Поэтому Френкелю приходилось вытягивать шею, чтобы ничего не пропустить. – Он был осужден за...

Немец все говорил и говорил. С каждой минутой волнение Френкеля усиливалось. Кровь стучала в висках, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Как такое возможно? Получалось, что немец – сын того негодяя. Френкелю и в голову не могло прийти, что ему когда-нибудь доведется встретить одного из родственников того человека. Да еще здесь, в Брюгге.

Вскоре мистер Джордж и немец покинули бар. Бутылка шампанского на их столике осталась почти нетронутой. Андриан поставил стакан с остатками виски на маленький столик у диванчика, на котором все это время сидел, и направился к стойке. Он успел совершенно про-
трезветь.

– Я могу расплатиться своей картой «Виза»? – обратился Френкель к бармену.

– Боюсь, с этим могут возникнуть проблемы, – сказал Марио. Лицо его стало непроницаемым.

Андриан понимал, что бармен явно решил схитрить. В «Итальянской вилле» наверняка можно было расплачиваться с помощью кредитных карточек. Но в таких случаях официантам и барменам не доставалось чаевых.

Френкель подписал чек и направился в сторону туалета. В этот момент он и думать забыл о квитанции, которую он должен был предъявить своему боссу.

Глава 2

Снег пошел около шести часов утра. Первые робкие снежинки медленно кружились в воздухе и ложились на землю, покрывая ее белым мягким одеялом. А к тому времени, как дворник Джино Хилдерсон вышел на работу – в половине девятого, – все улицы уже были покрыты толстым слоем снега. В это холодное зимнее утро город выглядел так, словно сошел с картинки из волшебной сказки. Джино ехал по пустынным в этот ранний час городским улицам на своем трехколесном Piaggio. Несмотря на отсутствие транспорта, ехать было трудно. Piaggio то и дело буксовал на снежных заносах. Около Рыбного рынка Джино подобрал свой первый за сегодняшнее утро мусор. Это была пустая консервная банка.

На Блайнд-Эзел-стрит Джино машинально снизил скорость. В начале улицы стоял дорожный знак, запрещающий превышение скорости. Но тут же Джино мысленно обругал себя за глупость и опять поехал быстрее. Он, как и многие водители, всегда нарушал правила. Таким образом ему удавалось сэкономить несколько драгоценных минут. При этом он шел на разные ухищрения, чтобы избежать штрафа и выговора от полиции.

Но около здания муниципалитета Джино поневоле пришлось задержаться. Его Piaggio забуксовал на большом снежном заносе. С большим трудом Джино удалось выехать на ровную дорогу. Но тут внимание дворника привлекла одна странная деталь. В двух ярдах от него лицом вниз лежал человек. Джино резко нажал на тормоз, слез с Piaggio и подошел к лежащему на снегу человеку. Тихонько выругавшись, Джино наклонился и дотронулся до его плеча. Мужчина не пошевелился – он вообще не подавал никаких признаков жизни.

– Ты слишком много выпил, приятель, – посочувствовал дворник.

Он окинул лежавшего на снегу мужчину задумчивым взглядом. Мужчина был одет в дорогое светло-коричневое пальто из верблюжьей шерсти. Туфли его были начищены до блеска.

Джино охватило смутное беспокойство. Он опять взглянул на лежащего на снегу незнакомца. Разве такие хорошо одетые господа валяются на улицах пьяные? Раздражение, охватившее было Джино, когда он заметил лежащего на снегу, начинало проходить. Он понял: здесь что-то не так.

Джино потряс незнакомца за плечо.

– Эй, приятель! Ты как? Все в порядке? – спросил он. Голос его прозвучал неожиданно хрипло.

Мужчина застонал.

– Ну слава богу, – облегченно вздохнул Джино. – Пойдем, приятель. Вставай. Подожди, я дам тебе руку.

Джино был образцовым работником и порядочным человеком. Поэтому ему и в голову не пришло бросить незнакомца на произвол судьбы и отправиться по своим делам. Он взял мужчину под руки и оттащил его к стене здания муниципалитета. Мимоходом он взглянул на объявления о предстоящих свадьбах в стеклянных витринах.

– Ну как? Тебе уже лучше? – спросил Джино, озабоченно заглядывая ему в лицо, и сам поразился собственной глупости.

Незнакомец – а это был довольно пожилой мужчина – выглядел просто ужасно: лицо его было смертельно бледным, губы посинели. Джино наклонился к нему и принялся. Как он и предполагал с самого начала, этот человек был пьян – от незнакомца несло перегаром, как из винной бочки.

– Значит, ты действительно напился, приятель, – удовлетворенно констатировал Джино.

Словно в тумане, Дитрих Фиддл – а это был именно он – услышал голос какого-то иностранца, но звуки доходили до него как сквозь толщу воды.

Джино в замешательстве уставился на него, в задумчивости пожевал давно потухшую сигару. Мужчина между тем принялся медленно сползать вниз. И только теперь Джино заметил страшную рану на его виске и запекшуюся кровь, покрывавшую всю левую сторону его лица.

– Проклятье! – воскликнул Джино. – Подожди немного, приятель. Я скоро вернусь.

С этими словами Джино бросился бежать в сторону Бург-сквер, а потом свернул на Брейдел-стрит. А вообще путь его лежал на Рыночную площадь. Там стояло несколько телефонов-автоматов. К счастью, среди них оказался один старого образца, который принимал монеты, и Джино смог позвонить без карточки, которой у него не было.

Джино долго не мог дозвониться.

– Алло! Это девять-один-один? – прокричал он, когда наконец услышал в трубке мужской голос.

– Да. Что у вас случилось? – невозмутимо спросил Джозеф Дементс.

– Необходима срочная помощь. На улице человек истекает кровью. Не могли бы вы кого-нибудь сюда послать? – слегка приободрившись, проговорил Джино.

Дементс затушил сигарету, бросил окурок в стеклянную пепельницу, стоявшую на столе перед ним, и взял из стаканчика шариковую ручку.

– Пожалуйста, назовите свое имя, – все тем же невозмутимым тоном попросил он.

– Меня зовут Джино Хилдерсон, – ответил дворник. – Этот человек находится под мостом Сайс на Блайнд-Эзел-стрит.

Невозмутимость диспетчера действовала Джино на нервы, он ведь не знал, что Дементс уже сообщил в больницу и что двое парамедиков в этот момент садятся в машину скорой помощи, чтобы выехать на место происшествия. Как только Джино сказал, что человек опасно ранен и истекает кровью, Дементс сразу же нажал на сигнальную кнопку.

– Пострадавший находится в сознании? – продолжал свои вопросы Дементс, одновременно передавая по чрезвычайной линии полученную от Джино информацию дежурному офицеру полиции. А дежурный офицер, в свою очередь, послал на место происшествия патрульную машину.

– Как я уже сказал, этот человек в очень тяжелом состоянии, – задыхаясь, проговорил Джино. – Если вы не поторопитесь, ему придет конец. Хватит задавать вопросы. Дорога каждая минута.

– Я вас понял, – спокойно ответил Дементс. – Возвращайтесь к пострадавшему и оставайтесь с ним до приезда скорой помощи. Парамедики уже едут.

С этими словами Дементс повесил трубку. Происшествие, судя по всему, действительно было серьезным. Именно поэтому Дементс вызвал неотложную помощь сразу, не прекращая разговора с мистером Хилдерсоном.

Арентс, врач неотложной медицинской помощи, ел китайскую лапшу в комнате отдыха вместе с молодой симпатичной медсестрой. Настроение у него было просто прекрасным. И даже звонок Дементса не испортил его, хотя он и вынужден был прервать свою трапезу. Арентс и его коллега Айван Девильде сразу же поспешили к гаражу. В это утро Арентс был счастлив и беззаботен, как никогда. Он не имел ничего общего с теми засыпающими на ходу козлами в белых халатах, которые, словно тени, бродят по больничным палатам. Судьба была к Арентсу на удивление благосклонна. Он был молод, здоров, и ему хватало денег на жизнь.

Хотя в этот утренний час дороги были почти пустыми, Девильде включил сирену. Машина скорой помощи мчалась по тихим заснеженным улицам.

Полиция приехала на место происшествия всего через несколько минут. Но эти минуты ожидания тянулись для Джино мучительно долго. Он сидел рядом с раненым, уставившись в одну точку. Незнакомец не подавал никаких признаков жизни. Джино про себя молил Бога, чтобы этот человек был еще жив.

Наконец к месту происшествия подъехала полицейская машина. Из нее вышел офицер Брайнух. Это был коренастый мужчина средних лет. Он служил в полиции уже двадцать два года и многое успел повидать на своем веку. Офицер Брайнух склонился над потерпевшим и окинул его быстрым, профессиональным взглядом. Он сразу же понял, что дворник совсем не преувеличивал, когда говорил, что мужчина находится в тяжелом состоянии. Не желая терять ни минуты, офицер Брайнух бросился к полицейской машине, чтобы передать срочное сообщение по рации.

– Говорит офицер Брайнух. У нас пострадавший. Он находится в очень тяжелом состоянии. – Несмотря на чрезвычайную ситуацию, голос полицейского звучал спокойно и невозмутимо. – У него серьезная рана на левом виске. Вряд ли она получена при падении. Судя по всему, у нас нападение.

Последнюю фразу он сказал, втайне гордясь собой и своим умением с первого взгляда определять причины полученных пострадавшими увечий.

Дежурный офицер Джин-Мари Вервен взглянул на часы. Через десять минут его смена заканчивалась. Он собирался перепоручить это дело своим коллегам и отправиться домой. Но Брайнух был дотошным человеком. И если он решит, что случившееся не несчастный случай, а все же дело рук преступника, он не отпустит Вервена домой ни через десять минут, ни даже через час.

– Я все понял, Брайнух, – ответил по рации Вервен. – Уже выезжаю.

Вервен отключился. Губы Брайнуха тронула ухмылка. Он представил себе недовольное выражение лица дежурного полицейского. Получить срочный вызов за десять минут до конца смены! Можно понять, что он сейчас чувствует.

Буквально через несколько минут подъехала и машина скорой помощи. Из-за снежных заносов двигалась машина с трудом, словно плуг по сырой земле. Жан Декостер крепко прижимал к груди чемоданчик для оказания первой помощи. Зимой помогать пострадавшим было гораздо сложнее, чем в теплое время года. И потому в это утро Жану нужно было как следует подготовиться. Вим Дефрудт остановил машину в двух ярдах от пострадавшего. Захватив с собой термоодеяло, Декостер открыл дверцу и выскочил наружу. Его коллега уже склонился над мужчиной и безуспешно пытался нащупать у него пульс. Несчастного уже перенесли подальше от стены, чтобы медикам было удобнее работать. Декостер быстро достал термоодеяло из пластиковой упаковки и завернул в него пострадавшего. Доктор еще не успел приехать. И все, что оставалось Декостеру, – это попытаться оказать мужчине первую помощь. Он сделал ему искусственное дыхание, а потом – массаж сердца, чтобы заставить кровь циркулировать.

Дефрудт между тем принес из машины скорой помощи нашатырь. Он был готов в любую минуту прийти на помощь Декостеру, чтобы привести в чувство раненого.

Джино Хилдерсон задумчиво наблюдал за этой сценой. Еще никогда в жизни ему не приходилось видеть, как работают парамедики. Неожиданно утреннюю тишину нарушила сирена второй скорой помощи. На Бург-сквер выехала машина с командой МЕТ. А спустя десять минут прибыл и дежурный офицер Джин-Мари Вервен. Снег на Бург-сквер был испещрен следами шин. Эти следы напоминали одну из картин Мондриана.

Арентс сразу направился к раненому и склонился над ним, отстранив Декостера. Доктор попытался нащупать пульс, а потом сам сделал массаж сердца. Спустя минуту он подозвал Декостера.

– Теперь ваша очередь, – проговорил Арентс, – приступайте.

Декостер кивнул. Раненый все так же не подавал никаких признаков жизни.

Арентс открыл свою сумку и долго в ней рылся. Он что-то искал и никак не мог найти. Поиски заняли у него целых двадцать секунд. Наконец он достал упаковку стерильных шприцев.

Арентс вскрыл ампулу с адреналином, наполнил шприц и сделал раненому укол прямо в сердечную мышцу. Джино содрогнулся – выглядело это жутко.

* * *

– На твоём месте я не стал бы жаловаться, – улыбнувшись, проговорил Версавел. – Ведь ты единственный, кто сам вызывается дежурить по воскресеньям.

Ван-Ин нервно закурил. Костюм, в который он был одет, был измят и стал похож на старую, полинявшую тряпку.

– Да, я соглашаюсь дежурить по воскресеньям. Но это не значит, что я должен разгребать дерьмо за Вервеном, – отрезал он. – За сегодняшнюю ночь я не сомкнул глаз. Хотя обычно по воскресеньям все тихо и спокойно.

Версавел, покручивая ус, с сочувствием посмотрел на Ван-Ина. У того была одна особенность: в раздражении он не переставая ходил взад и вперед по комнате. Наконец, устав, он остановился у окна и налил себе кофе.

– Не понимаю, кому понадобилось совершать убийство в воскресенье утром, – проворчал Ван-Ин.

– Когда потерпевшего отвезли в больницу, он был еще жив, – сухо возразил Версавел. – Но, по словам одного из парамедиков, состояние его было критическим. Субдуральные гематомы часто заканчиваются летальным исходом.

– Я ничего не понимаю в этом, Гвидо. Говори яснее, – раздраженно произнес Ван-Ин.

– Прошу прощения, комиссар, – смущенно извинился Версавел. – Это у меня чисто профессиональное. Скажу попроще: у пострадавшего пролом черепа и обширное внутреннее кровотечение.

Версавел сел за свой письменный стол и вытянул ноги. В отличие от костюма Ван-Ина и пиджак и брюки Версавела выглядели безукоризненно.

– Значит, этот немец сильно пострадал, – усмехнувшись, сказал Ван-Ин. – Хоть в чем-то нам повезло.

Версавел предпочел пропустить последнюю фразу Ван-Ина мимо ушей. Все знали, что Ван-Ин терпеть не может немцев.

– Боюсь, это не сильно что-либо меняет: нам все равно придется расследовать это дело. Что, если комиссар Коломбо позвонит и потребует отчет о проделанной работе? – насмешливо спросил он.

Ван-Ин резко поднял чашку с недопитым кофе, делая вид, что намеревается запустить ею в Версавела. Версавел инстинктивно пригнулся.

– С какой радостью я бы бросил в тебя эту чашку. Представь себе, во что превратился бы твой безукоризненный костюм. Но мне жаль переводить на тебя кофе, – расхохотавшись, проговорил Ван-Ин.

Версавел выпрямился, поняв, что опасность миновала и Ван-Ин успокоился.

– Вервен написал отчет?

– Ну, ты же знаешь Вервена. Исписать целую страницу для него непосильный труд. Кроме того, он, вероятно, все еще не вернулся с места происшествия.

– О, Иисус Гельмут Христос! И за что нам уготованы такие муки? И надо же было, чтобы все произошло в воскресенье! В мое дежурство!

– Чтобы хоть как-то скрасить нашу судьбу, ты можешь налить кофе и мне, – со вздохом проговорил Версавел.

– Надеюсь, Вервен хотя бы сообщил о случившемся прокурору, – после минуты напряженных раздумий предположил Ван-Ин. – Если этот немец уже на пути к Валгалле,⁷ то они могут приняться за дело незамедлительно.

– Неужели тебе совсем неинтересно, что произошло? Согласись, для нашего города это весьма неординарное происшествие.

Ван-Ин презрительно усмехнулся и покачал головой. Но Версавел прекрасно понимал, что Ван-Ин лукавит, не может он быть равнодушен к делу.

– Все это очень странно. На первый взгляд у этого преступления совершенно нет мотивов, – размышлял вслух Версавел. – Это явно не ограбление. В кармане у жертвы было найдено восемьсот марок и три кредитные карточки.

– Восемьсот марок? – саркастически улыбнувшись, переспросил Ван-Ин. – В его кармане нашли целых восемь сотен?

Версавел поднес к лицу чашку с дымящимся ароматным кофе и с наслаждением вдохнул. Он привык к резким переменам настроения комиссара и старался не обращать на это внимания.

Снова повалил снег. И, хотя шел уже десятый час, водители ездили с включенными фарами.

– Мы послали туда четырех офицеров, для того чтобы допросить возможных свидетелей происшествия, – сказал Версавел.

– Вряд ли из этого что-нибудь выйдет. На Бург-сквер практически никто не живет. – Ван-Ин потянулся, зевнул и подошел к окну. Он провожал задумчивым взглядом пушистые снежинки, танцевавшие в воздухе.

– Швейцар здания муниципалитета рассказал, что около половины третьего слышал странный шум.

– А он кого-нибудь видел? – спросил Ван-Ин, все так же задумчиво глядя на снег.

– Конечно нет. Он окончательно проснулся только, когда услышал звуки сирен. А тому шуму он тогда не придал значения.

– Значит, он ничем не сможет нам помочь, – медленно проговорил Ван-Ин. Он наконец-то оторвался от созерцания снега за окном и налил себе еще кофе. В свою чашку он, как обычно, бросил два кусочка сахара.

Версавел шуточно похлопал себя по животу, намекая на пристрастие Ван-Ина к сладкому кофе. Сам Версавел был в отличной форме – ни грамма лишнего веса.

– Ну, не всем же дано выглядеть как супермен, – огрызнулся Ван-Ин, отзываясь на его жест. – Если бы все выглядели как модели из мужского журнала, что бы мы с тобой делали, дружище?

– Ты действительно хочешь это знать? – Глаза Версавела насмешливо блеснули.

– Что поделаешь, одним даны совершенные тела, а другим совершенные мозги, – расхаживая взад и вперед по комнате, заявил Ван-Ин. – Это еще вопрос, что важнее.

С этим замечанием невозможно было поспорить.

– Ладно, хватит болтать. Позвони Вервену и сообщи ему, что мы беремся за это дело. Если мы прямо сейчас не начнем действовать, то завтра утром получим нагоняй от шефа.

– Как скажете, комиссар. Вам виднее, – официальным тоном отчеканил Версавел.

* * *

– Вервен сделал фотографии потерпевшего? – спросил Ван-Ин, когда они с вместе с Версавелом ехали в больничном лифте. Сегодня утром потерпевший поступил в эту больницу.

⁷ Валгалла – в германо-скандинавской мифологии – рай для павших в бою воинов. (Примеч. ред.)

– Я позвонил Лео, – улыбнувшись, сообщил Версавел. – Если нам повезет, мы сможем застать его в кафетерии.

– Надменный болван! Никогда его не застанешь на месте.

Версавел счел за лучшее промолчать.

– Думаю, наш потерпевший всю ночь веселился в каком-нибудь баре, – задумчиво проговорил Ван-Ин. – Вряд ли он поехал бы в центр города в такую жуткую погоду, чтобы сходить в кино. Может быть, все дело лишь в том, что он слишком много выпил.

Медсестра, которая вместе с ними ехала в лифте, с сомнением покачала головой.

– От алкоголя еще никто не умирал, – возразил Версавел. А про себя подумал, что, если бы это было не так, комиссар уже давно бы отправился к праотцам.

Палаты интенсивной терапии в больнице Сент-Джонса были переполнены. Восемь медсестер и два доктора выбивались из сил, но все равно не могли справиться с огромным наплывом больных. В выходные, как известно, у врачей всегда много работы, так как возрастает количество несчастных случаев.

– Полиция, мадам, – подражая полицейским из американских фильмов, объявил Ван-Ин, когда они подошли к молодой, нарядно одетой женщине-регистратору, сидящей за стойкой.

– Доброе утро, джентльмены, – вежливо поприветствовала их она. – Что я могу для вас сделать?

Вопрос ее прозвучал двусмысленно. Версавел надеялся, что Ван-Ин не скажет какую-нибудь пошлость. Комиссар колебался.

– Мы хотели бы переговорить с лечащим врачом потерпевшего, – сказал он. – Это возможно устроить прямо сейчас?

Девушка посмотрела на Ван-Ина с таким негодованием, словно он попросил аудиенции с Господом Богом.

– Я имею в виду врача из бригады скорой помощи, – пояснил Ван-Ин.

– Его фамилия Арентс, – добавил Версавел.

– Скажите ему, что это срочно.

Врачи и медсестры всегда неохотно соглашались на разговор с полицией, ссылаясь на страшную занятость. Но стоит им сказать, что «это срочно», буквально меняются на глазах. Возможно, потому, что сами они привыкли работать в режиме чрезвычайной ситуации, и только «что-то по-настоящему срочное» может заставить их оторваться от своих дел.

Однако сейчас эта уловка не подействовала на регистратора. Она сжала губы и тяжело вздохнула. Версавел сразу же почувствовал неладное. При этом он успел заметить, как ее пышная грудь заколыхалась под тонкой тканью белого халата. Девушка недавно окончила медицинскую школу. Она искала работу целых полгода и, наконец, смогла устроиться в эту больницу регистратором. Эта нервная, малооплачиваемая работа явно не была пределом ее мечтаний. Но делать было нечего. Ей нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь. В итоге она с головой завалена работой, едва сводит концы с концами и потому постоянно раздражена. Любой пустяк мог вывести ее из себя.

– Доктор Арентс уехал по вызову пятнадцать минут назад, – натянуто улыбнувшись, проговорила она. – Так что, простите, ничем не могу вам помочь, джентльмены.

С этими словами она села за компьютер и принялась что-то печатать.

– Окажите мне услугу, моя дорогая, – заискивающим тоном проговорил Ван-Ин.

Версавел с удивлением посмотрел на него. Еще ни с кем комиссар не разговаривал так ласково и проникновенно.

– Я расследую покушение на убийство. Доктор Арентс был на месте происшествия и привез раненого в больницу. Возможно, он может пролить свет на случившееся с Фиддлом.

Но даже ласковое обращение «дорогая» и проникновенный тон комиссара не смягчили сердца вечно всем недовольной особы. Лицо ее приняло еще более сердитое выражение, и она еще яростнее стала бить по клавиатуре. В эту минуту она напоминала разгневанную гарпию.

– Ответьте мне на один вопрос, моя дорогая. Вы работаете по ежемесячному контракту? – спросил Ван-Ин.

Девушка на мгновение перестала печатать и сердито посмотрела на комиссара.

– Просто... Просто, если вы сию же минуту не позовете доктора Арендса, то через месяц будете торговать бакалеей в магазине Армии спасения, – с трудом сдерживая ярость, проговорил Ван-Ин. В гневе комиссар был страшен и не знал пощады.

Версавел покрутил ус, с трудом сдерживая злорадную улыбку. На регистраторшу было жалко смотреть. Из разгневанной гарпии она в мгновение ока превратилась в испуганного ягненка, отбившегося от стада.

– Хорошо, я позову его, если вы так этого хотите, – дрожащим голосом сказала она.

Девушка тут же стала звонить по телефону. Ее тонкие, изящные пальцы дрожали. Ван-Ин закурил, на его лице играла торжествующая улыбка. В эту минуту он напоминал великого и бесстрашного героя в исполнении Брюса Уиллиса.

– Доктор Арендс только что вернулся с вызова, – недовольно проговорила она. – Подождите немного. Он сейчас подойдет.

Не прошло и минуты, как появился доктор Арендс. Он был одет в белый халат, накинутый на дорогой итальянский костюм. Версавел с восхищением смотрел на него.

– Доброе утро, – поздоровался он. – Я доктор Арендс. О чем вы хотели со мной поговорить?

– Я комиссар Ван-Ин, а это мой коллега Гвидо Версавел.

– Очень приятно, – холодно проговорил доктор Арендс.

Они пожали друг другу руки.

Доктор Арендс недовольно смотрел на полицейских. Он работал уже целых девять часов и очень устал. Поэтому у него не было ни малейшего желания беседовать с ними. А Версавел все не мог оторвать взгляд от молодого доктора, он был красив, как Адонис.

– Мы хотели бы поговорить об этом немецком туристе Дитрихе Фидdle...

– Он в реанимации, – оборвал его доктор Арендс. – Наш пациент в очень тяжелом состоянии. И пока не может отвечать на вопросы полиции.

– Ну конечно, доктор, – сказал Ван-Ин. Комиссар был сама кротость. – Я и не собирался сегодня допрашивать потерпевшего. Он в коме?

Версавел нервно покрутил усы. Комиссар шел напролом, и это могло все испортить.

– Я не имею права отвечать на этот вопрос, – отрезал Арендс.

– Что так? Врачебная тайна? – хмыкнув, поинтересовался Версавел.

– Но вы же сказали, что потерпевший находится в очень тяжелом состоянии, – продолжал настаивать Ван-Ин.

– Да, состояние его действительно критическое, – кивнув, проговорил доктор Арендс. Ему уже порядком надоела эта игра в кошки-мышки. – Чего вы все от меня хотите? Полчаса назад приходил ваш коллега, чтобы сфотографировать потерпевшего. Теперь – вы. Да поймите же вы, наконец, даже если операция пройдет успешно, Фиддл все равно в ближайшие пару недель будет не способен ни с кем разговаривать.

Ван-Ин затушил сигарету и бросил окурки в цветочный горшок. Арендс поморщился, но ничего не сказал. Версавел подумал, что доктор Арендс не такой уж и грозный, каким пытается казаться.

– Я и не собирался задавать ему никаких вопросов, – невозмутимо возразил Ван-Ин. – С вашего разрешения я хотел бы осмотреть его личные вещи. И потом, к чему нам ссориться?

Мы все в конечном счете делаем одно дело – помогаем людям, доктор. Вы спасаете им жизнь, а мы раскрываем преступления.

Арендс кивнул. Только тут Версавел заметил, какое утомленное и бледное у него лицо. Образ божественного Адониса таял на глазах.

– Ну хорошо. Чем я могу быть вам полезен? – устало спросил он.

Как и все врачи, доктор Арендс был очень рассеян и никогда не слушал собеседника. Поэтому он пропустил мимо ушей просьбу Ван-Ина показать ему личные вещи Фиддла.

– Я хочу, чтобы вы показали мне личные вещи Фиддла, – терпеливо повторил Ван-Ин. На этот раз он намеренно опустил слово «доктор».

– Что ж, с этим не должно возникнуть проблем, – сухо проговорил Арендс. – Мириам, не могли бы вы показать этим джентльменам то, что они просят?

Девушка кивнула.

– Я буду в отделении интенсивной терапии.

Версавел заметил, как Мириам и Арендс обменялись понимающими взглядами. Их обоих утомили расспросы этих надоедливых полицейских.

Глава 3

– Представьте себе, здесь не подают «Дювель»! – вместо приветствия прокричал Лео Ванмаэль, завидев Ван-Ина и Версавела, направляющихся к его столику.

– Привет, Лео, – со смехом поприветствовал его Ван-Ин. – Вообще-то я собирался заказать капучино.

Лео убрал с дороги сумку с фотоаппаратурой и жестом пригласил полицейских присаживаться.

– Версавел, разве ты не предупредил комиссара, что я буду вас ждать здесь? Я торчу в этом кафе уже битый час, – проворчал Лео.

– Пути Господни неисповедимы. Так же как и пути Версавела, – со смехом ответил, кивнув на своего коллегу, Ван-Ин.

Сержант Версавел подмигнул Ванмаэлю и развел руками.

– Что желают заказать джентльмены? – спросила ярко накрашенная девушка, сидящая за стойкой.

Она окинула Ван-Ина равнодушным взглядом и более заинтересованно посмотрела на Версавела.

– Принесите нам, пожалуйста, три капучино.

Сделав заказ, Ван-Ин достал из кошелька две стофранковые купюры.

– С вас двести десять франков. Этого недостаточно, – надменно проговорила она.

У Ван-Ина в кошельке лежала еще одна купюра достоинством в две тысячи франков. Но, кроме этих денег, у него больше ничего не было, а ему очень не хотелось разменивать крупную купюру. Он принялся нервно рыться в карманах брюк, надеясь найти там мелочь. Очереди у стойки не было, и потому барменша отнеслась к этому спокойно и не стала ворчать на него за то, что он так долго копается.

– Гвидо, не мог бы ты одолжить мне десять франков? – обратился к сержанту Ван-Ин.

Версавел улыбнулся. Ван-Ину вечно не хватало денег, и все это знали. Комиссару постоянно приходилось у кого-нибудь одалживать.

– Убери свои деньги, Ван-Ин, – весело сказал Версавел. – Я сам заплачу за кофе. Я все равно должен тебе за вчерашнее.

С этими словами Версавел протянул комиссару поднос с тремя чашками, а сам жестом фокусника вынул из внутреннего кармана тысячефранковую купюру. Ван-Ин не стал возражать. Барменша, как только Версавел к ней обратился, из равнодушной, скучающей девы вмиг превратилась в райскую птичку. Кокетливо улыбаясь, она дала Гвидо сдачу. Щедрый, по своему обыкновению, Версавел оставил на стойке две двадцатифранковые монеты в качестве чаевых.

– Сделать эти снимки было не так-то просто, – сказал Лео, ткнув в свою камеру. – Так что, если качество не на высоте, уж не обессудьте. У меня совершенно не было никаких условий. В этой больнице что врачи, что медсестры почему-то считают, будто фотографирование наносит больным страшный вред. Хотя уж этому-то больному от того, что его фотографируют, ни горячо ни холодно. Он все равно ничего не чувствует. Но попробуй убедить в этом медиков!

Лео поднес к носу чашку и жадно вдохнул аромат кофе со сливками.

– Главное, чтобы на них хоть что-то можно было разобрать, – миролюбиво проговорил Ван-Ин, усыпляя бдительность Лео. – Они должны быть у меня к семи часам.

– Без проблем. Я готов ради тебя на все, мой дорогой Ван-Ин. Я даже готов потратить весь воскресный вечер на проявление фото. Так что завтра я принесу их тебе. Не беспокойся.

– Прости, дружище, но я имел в виду, что ты должен принести мне эти фото сегодня, к семи часам вечера, а не завтра, к семи часам утра, Лео, – с самым невинным видом проговорил Ван-Ин.

Версавел решил не вмешиваться в этот разговор и с удовольствием стал потягивать свой капучино. Лео и так пребывал в раздраженном настроении. Он терпеть не мог вставать рано, да еще в выходные. А Ван-Ин, по своему обыкновению, подливал масла в огонь, поддразнивая Лео. «Как хорошо, что я жаворонок», – подумал Версавел.

– Что ж, я так и думал, – пробормотал Лео, вытянув под столом свои длинные ноги. – Чего еще ждать от нашего комиссара? – Голос его звучал угрожающе. – Не понимаю, как тебе не пришло в голову попросить меня принести эти фотографии *к шести часам* сегодняшнего вечера, комиссар? Думаю, в следующий раз мистер Большая Шишка потребует от меня полароидных снимков!

– Может быть, ты хочешь, чтобы я все бросил и сам зарисовал все ушибы и ссадины на лице этого немца? – негодуя глядя на Лео, спросил Ван-Ин. – Так знай, я довольно посредственный художник. Но зато я сэкономлю массу времени, и мне не нужно будет дожидаться, пока ты удосужишься принести мне эти фото.

– Хотелось бы на это посмотреть! И чем ты собираешься делать этот рисунок? Своим членом? – проворчал Лео. – Предоставь это помощнику прокурора.

Ван-Ин потерял дар речи. Даже Лео смутила собственная грубость, непроизвольно сорвавшаяся с языка. Нахмурившись, он жадно пил свой капучино. Воцарилось неловкое молчание.

– Не мог бы ты взглянуть на одну фотографию, Лео? – обратился к нему Версавел, чтобы как-то разрядить обстановку.

Он достал из внутреннего кармана коричневый конверт, распечатал и выложил на стол его содержимое: брелок с ключом, бежевый бумажник из телячьей кожи и билет в музей. Версавел открыл бумажник и вытащил оттуда фотографию в тонах сепии.

– Мы нашли это в личных вещах Фиддла, – объяснил Ван-Ин. – Я не хотел бы показывать фото всем этим мелким чиновникам.

– Да, им не нужна лишняя головная боль, – проворчал Лео.

– Что ты об этом думаешь? – настаивал Версавел.

Лео нахмурился. Он не разделял энтузиазма сержанта.

– А что такого я должен здесь увидеть? – спросил Лео, помолчав с минуту.

– Сержант Версавел надеется, что тебе удастся найти на этом фото что-то подозрительное, – вклинился в разговор Ван-Ин. – Это может быть какая-нибудь мелочь. Деталь, незаметная с первого взгляда. Нас интересует все, что так или иначе может помочь нашему расследованию.

– Я вижу лишь очень старое, плохо сохранившееся фото статуи «Мадонна с младенцем», или «Мадонна Брюгге», Микеланджело, – упрямо проговорил Лео. Лицо его оставалось все таким же хмурым.

– Посмотри внимательнее, – не желал отступить Ван-Ин. – Посмотри на это фото с помощью лупы.

Вздыхнув, Лео вытащил из кармана лупу и принялся изучать фото.

– Ну, что я могу сказать? Этому фото не меньше сорока лет, – задумчиво проговорил он спустя несколько минут. – Качество изображения хорошее. Но вот освещение выбрано неверно.

– Освещение выбрано неверно! – проворчал Ван-Ин. – Ты слышал, Гвидо? Он говорит, что освещение выбрано неверно! – Комиссар повернулся к Лео: – И это все, что ты можешь сказать?

Лео обиженно посмотрел на Ван-Ина и убрал лупу в карман.

– Посмотри на это фото еще раз, Лео, – проговорил комиссар. – И на этот раз не обращай внимания на освещение.

Лео снова вынул лупу из кармана и с сердитым видом принялся изучать фото.

– Растения, Лео. Обрати внимание на растения.

– А что с ними не так?

– Статуя, Лео, находится на фоне холмов. Вот на эти холмы ты и должен обратить внимание.

– Вот эти? – уточнил он, еще раз изучив фото с помощью лупы. – Да, понятно. Вы хотите, чтобы я сделал анализ этого снимка?

Ван-Ин облегченно вздохнул.

– Если это, конечно, тебя не затруднит, – иронически усмехнувшись, сказал он.

– Мне понадобится на это два дня, никак не меньше.

– Я хотел бы, чтобы к понедельнику все было готово.

«Ну вот, Лео опять проиграл схватку с комиссаром», – подумал Версавел.

* * *

Лео поехал в полицейское управление на метро и прибыл в половине пятого. Вошел в лифт, нажал на кнопку третьего этажа. Настроение у него было прекрасное, он улыбался и насвистывал мелодию из «Севильского цирюльника».

Ван-Ин сидел в своем кабинете за столом и нервно курил. Он послал полученные в больнице копии паспорта Фиддла и фотографии «Мадонны Брюгге» в Федеральное управление уголовной полиции Германии. Ответ должен был прийти по факсу, но он задерживался, и беспокойство комиссара росло с каждой минутой. Он терпеть не мог ожидания и вынужденного бездействия.

Версавел включил термостат на полную мощность и открыл окно. Из-за табачного дыма в кабинете нечем было дышать. Даже неприхотливый фикус был уже на последнем издыхании. Он пожелтел от табачного дыма, и каждый час от него отпадало по листочку.

– Надеюсь, что я пришел вовремя и никому не помешал? – спросил Лео. Это был чисто риторический вопрос, он прекрасно знал, что его с нетерпением ждут.

Лео мялся в дверном проеме, сжимая под мышкой пухлый конверт. Так и не дождавшись ответа, Лео вошел в кабинет.

– Закрой дверь, Лео, – не глядя на него, проговорил Ван-Ин.

– Прости, комиссар. Не знал, что у тебя аллергия на свежий воздух. – Лео сел на стул у окна и протянул конверт Версавелу. – Герр Фиддл на этом фото выглядит неважно, но его здесь вполне можно узнать, несмотря на то что голова у него вся в бинтах.

Версавел принялся сравнивать его с паспортным фото Фиддла.

– Это точно один и тот же человек? – с сомнением глядя на Лео, спросил сержант.

– Этому фото больше тридцати лет, – объяснил Лео.

– Покажи, – попросил Ван-Ин, затушил сигарету и потянулся к конверту.

Фиддл выглядел совершенно изможденным. Нос его заострился, а густые брови были белее повязки у него на голове.

– Нужно учитывать сложившиеся обстоятельства. Любой выглядел бы плохо на его месте, – задумчиво проговорил Ван-Ин и помахал в воздухе факсом, который он получил от доктора Арентса полчаса назад. – В крови Фиддла было обнаружено 2,8 промилле алкоголя. Неудивительно, что он выглядит так, словно вернулся с того света.

– Значит, вот как ты должен выглядеть после шести кружек «Дювеля», – со смехом проговорил Лео. – А твоему паспортному фото не больше пяти лет.

Версавел не стал вмешиваться в их перепалку. Он включил свой компьютер и открыл папку под названием «Фиддл». Экран зловеще блеснул. Версавел с тоской подумал о тех счастливых временах, когда он работал на своей старой печатной машинке.

По ночам в Брюгге кипела бурная жизнь. В этом городе было множество баров с сомнительной репутацией. По версии Ван-Ина, немец провел всю ночь в одном из них перед тем, как неизвестный проломил ему голову на Блайнд-Эзел-стрит. Когда же комиссар узнал, что в крови Фиддла было обнаружено 2,8 промилле алкоголя, то он еще больше укрепился в своей версии. Поэтому сегодня вечером комиссар собирался обойти окрестные бары и показать барменам и посетителям фото немца, в надежде, что кто-нибудь из них его узнает. Но Ван-Ину не хотелось бродить по городу в холодный зимний вечер, и он надеялся, что Версавелу удастся узнать, в каком отеле остановился немец. Тогда он мог бы допросить служащих этого отеля завтра утром.

Однако поиски Версавела не увенчались успехом. В половине восьмого Ван-Ин и Лео Ванмаэль вышли из кабинета, оставив Версавела наедине с его не оправдавшей надежд чудо-техникой.

– Вызови меня, если что-нибудь узнаешь, Версавел, – сказал Ван-Ин, закрывая за собой дверь.

Настроение его улучшилось. Вооруженные фото Фиддла, Ван-Ин и Лео отправились в сторону Яичного рынка. Большинство барменов и владельцев баров знали Ван-Ина и с радостью сотрудничали с ним. Хотя, возможно, их радость была не совсем искренней. Но никто из них: ни официанты, ни бармены, ни завсегдатаи баров – никогда в жизни не видели Фиддла.

Почти в каждом баре они выпивали по бокалу «Дювеля». В полвторого ночи Лео и Ван-Ин заказали шестой по счету «Дювель» в круглосуточном баре, расположенном на Кран-сквер. Бар был переполнен, и оглушительно гремел тяжелый рок. Из-за всего этого шума разговаривать было практически невозможно.

Лео заказал себе двойной сэндвич. Ван-Ин допил свой «Дювель» и попросил принести кофе.

– Мне кажется, ты не отказался бы от второй порции «Дювеля», но боишься потерять лицо, – невнятно, с набитым ртом, проговорил Лео.

Ван-Ин предпочел промолчать и сделал глоток кофе, который показался комиссару слишком горячим и горьким.

– Ты сейчас похож на Иисуса Христа, которому предложили губку, пропитанную не водой, а уксусом, – насмешливо глядя на него, сказал Лео.

– Кто бы говорил! Вспомни, как ты сам выглядел вчера, – невозмутимо парировал комиссар. – Ты так напился, что был не в состоянии самостоятельно передвигаться. И при этом не прочь был продолжить веселье.

– Очень остроумно, Ван-Ин, – сдержанно ответил Лео. – Правда, ты забыл об одной детали: ты заснул рядом со мной и проспал до третьих петухов.

Ван-Ин посмотрел на часы.

– О боже! Уже половина второго! – воскликнул он.

– И что? Ты устал, мой бедный друг? Тебе пора в постельку?

– Пошел к черту! – огрызнулся Ван-Ин. – Заканчивай поскорее со своим сэндвичем. У меня появилась идея. Давай выпьем виски с колой в «Итальянской вилле». Я угощаю.

– Ты угощаешь? Что ж, это очень щедро с твоей стороны, – насмешливо улыбаясь, проговорил Лео. – Все в нашем отделе знают, что в «Итальянской вилле» тебе отпускают напитки бесплатно.

– Мало ли что говорят, – проворчал Ван-Ин. – Пойдем, если не хочешь, чтобы тебя стошнило этим чертовым пойлом, которое здесь продают.

Лео пожал плечами и вновь принялся за свой сэндвич.

– Ну, посмотрим, правду говорят или нет, когда официанты в «Итальянской вилле» принесут нам счет, – насмешливо заметил Лео.

С всклокоченными волосами, с помятым лицом Ван-Ин напоминал спившегося бродягу, но охранник «Итальянской виллы» встретил его дружелюбной улыбкой. У входа стояла влюбленная парочка – оба американцы. Он был одет в дорогой фирменный костюм «Ливайс», а она – в не менее шикарный «Найк». Они проводили Ван-Ина и Лео удивленным взглядом. Охранник Джин-Люк, все так же дружелюбно улыбаясь, жестом пригласил полицейских войти.

В этот поздний час в «Итальянской вилле» кипела бурная жизнь. После полуночи в этом баре всегда было полно народу. Знойные красотки лихо танцевали на танцполе под оглушительно громкую музыку. В свете лазерных лучей они выглядели юными и невероятно соблазнительными. Их пышные груди сексуально колыхались под прозрачными топиками, а миниюбки не скрывали практически ничего от жадных взглядов посетителей. Но Ван-Ин прекрасно знал, что большинству из них за тридцать, и многие из них успели побывать замужем не один раз. Ван-Ин знал также, что любая из них согласится провести с мужчиной ночь за весьма умеренную плату.

– Привет, Марио, – поздоровался Ван-Ин.

В баре было так шумно, что Марио не услышал приветствия комиссара, но зато смог прочитать его слова по губам, помахал ему рукой и жестом фокусника достал из-под стойки два бокала. Он наклонился к посетителю, мужчине лет сорока, и что-то прокричал. Из-за оглушительного шума Ван-Ин и Лео не слышали ни слова. Яппи же взял свою подружку под руку, и они направились к выходу. Таким образом два табурета освободились, и полицейские смогли сесть.

Ван-Ин жестом поблагодарил Марио и тяжело опустился на табурет. Он смертельно устал. Ноги его нестерпимо болели, голова кружилась.

Марио наполнил бокалы до краев.

– Думаю, этого вам хватит, комиссар. Кстати, вам повезло, – сказал Марио, понизив голос. – Вероника сегодня здесь. Не хотите ли, чтобы я ее позвал?

Лео с неодобрением посмотрел на Ван-Ина, он понял, что пьянство – не единственный грех комиссара.

– Нет, не нужно, – недовольно взглянув на Марио, проговорил Ван-Ин. – Сегодня не до того. Мы здесь по делу.

Марио поморщился и настороженно посмотрел на комиссара.

– Надеюсь, ничего серьезного? – спросил он.

Ван-Ин вынул из кармана фотографию Фиддла и показал ее Марио.

– Вы узнаете этого человека? – спросил он. – Он был в вашем баре?

Задавая этот вопрос, комиссар не отрываясь смотрел бармену в глаза. Он знал, что даже закоренелые лжецы могут выдать себя неосторожным жестом, неконтролируемой мимикой. Некоторые быстро отводят взгляд, другие слишком путано отвечают на вопросы.

– Минутку. – Марио с трудом удавалось перекричать невыносимый шум. – Это... Нет, я не знаю этого человека. Простите. Я попробую найти Жака и спросить, может, он его видел. Подождите секундочку, я сейчас вернусь.

Марио исчез, совершенно забыв про придурковатого посетителя, который уже две минуты безуспешно требовал, чтобы ему подали новую порцию коктейля «Маргарита».

– Бинго! – прокричал Лео, как только Марио исчез. – Обратите внимание, Жак сидит вон там. – Он указал на столик рядом с танцполом. – А наш парень пошел совсем в другом направлении.

Ван-Ин не до конца понял, что сказал ему Лео. Смесь «Дювеля» и виски ударила ему в голову. Его жутко тошнило.

– Меня всегда удивляла одна вещь, – проговорил Лео. – Почему верный адрес оказывается, как правило, самым последним? И почему нужный документ всегда оказывается на самом дне, погребенный под кучей бумаг?

Ван-Ин кивнул, хотя и не расслышал, что сказал ему Лео. Голова его кружилась, а в ушах звенело. Вдобавок в баре стоял невообразимый шум.

– Я уже давно пришел к такому заключению. И хочу назвать его «феномен Ванмаэля», – продолжал разглагольствовать Лео.

Ван-Ин опять ничего не услышал, но на всякий случай кивнул.

Минут через пять вернулся Марио вместе с Патриком по прозвищу Жиголо. Это был худощавый и загорелый мужчина лет сорока. Уже шесть лет он управлял «Итальянской виллой» и знал толк в своем деле. В силу профессии ему часто приходилось сталкиваться с полицией. Патрик разделял полицейских на два типа. Первые просто честно делали свою работу, а вторых легко можно было подкупить. Но комиссар Ван-Ин был исключением из правил: он не принадлежал ни к одному из этих двух типов. И Жиголо часто помогал ему.

– Добрый вечер, Ван-Ин, – поздоровался он и дружески пожал комиссару руку. При этом движении дорогой золотой браслет у него на руке звякнул.

Ван-Ин кончиком пальца постучал себя по уху. Жиголо сразу понял, что тот имеет в виду.

– Пойдемте в мой кабинет, – сказал Патрик. – Там не так шумно, и мы спокойно сможем поговорить. – И Жиголо со значением кивнул.

Лео так и не понял, что он хотел этим сказать. Весь бар сотрясился от топота танцующих ног и оглушительной музыки. Многие были изрядно пьяны, и ноги плохо слушались их.

Ван-Ин прекрасно знал, где находится кабинет Жиголо. Он бывал там неоднократно. Вскоре они дошли до двери с шумопоглощающим покрытием и очутились в кабинете Жиголо. Его кабинет чем-то напоминал греческий храм. Сходство усиливали коринфские колонны. В кабинете стояло несколько вычурных мягких диванчиков, вызывающих нескромные ассоциации. В углу был устроен белый мраморный фонтан. В ультрафиолетовом свете мрамор казался голубоватым. По углам стояло несколько безвкусных ваз и копия знаменитой статуи Венеры Милосской.

– Чем я могу помочь вам, комиссар? – спросил Жиголо и развалился на одном из своих диванчиков.

Ван-Ин последовал его примеру, а Лео устроился на стуле. В эту минуту он чем-то напоминал эльфа. Его короткие ножки не доставали до пола. Он не отрываясь смотрел на мозаичный пол. Выражение лица Лео было хмурым и недовольным.

– Я ищу одного мужчину, – заплетающимся языком проговорил Ван-Ин.

Жиголо сразу понял, что комиссар изрядно пьян.

– Мужчину? Это что-то новенькое, – со смехом заметил он. – Обычно вы ищете женщин.

– Нет, на этот раз мне нужен этот мужчина, – сказал комиссар, вынул из конверта фотографии Фиддла и протянул их Ванмаэлю. Комиссару трудно было самому удержать снимки. Лео тяжело вздохнул, но делать было нечего, и он стал показывать Жиголо фото. Хотя больше всего на свете Лео хотелось заехать этому проходимцу в челюсть. Он терпеть не мог подобных типов.

– Почему вы думаете, что я знаком с этим пожилым джентльменом? – внимательно изучив фотографии, спросил Жиголо.

– Сосредоточьтесь. Это очень важно, – настойчиво проговорил Ван-Ин. – Поверьте мне, это действительно так. Если кто-нибудь в вашем баре узнает его, то я обещаю...

Комиссар не успел договорить, так как его одолел сильный приступ кашля. Лео вскочил со стула, подбежал к комиссару и помог ему встать. В эту минуту Ван-Ин представлял собой жалкое зрелище.

– Я бы с радостью помог вам, друг мой, – всем своим видом выражая готовность, заговорил Жиголо. – Но я несколько часов назад вернулся с Ямайки. И даже если бы я вчера был здесь...

Ван-Ин наконец прокашлялся и присел на краешек диванчика.

– Боже мой, – хриплым голосом сказал он. – Я и не думал, что *вы* сможете его узнать. Я хотел попросить у вас разрешения поговорить с вашими работниками. Марио, кажется, не знает этого человека. Но, возможно, Жак мог бы его узнать.

Жиголо налил себе виски и выпил его одним глотком, как истинный американец.

– Послушайте, комиссар, – заметил Жиголо, допив свой виски. – Сейчас в баре слишком много народу, вы и сами это видели. Мои работники очень заняты. Может быть, вы оставите мне это фото, и я покажу его всем после закрытия бара?

– Очень любезно с вашей стороны, Патрик, – проговорил Ван-Ин.

Лео смотрел на Ван-Ина и Жиголо с всевозрастающим удивлением. Он не мог понять, почему комиссар позволяет этому проходимцу разговаривать с собой в таком тоне. В раздражении он отхлебнул виски из своего стакана. Вкус его напоминал микстуру от кашля.

Жиголо кивнул. При этом движении его кулон на золотой цепочке в виде дельфина качнулся и зазвенел.

– Если бы здесь была Вероника... – заплетающимся языком начал Ван-Ин. – Она ведь здесь, не так ли?

– Нет, сегодня ее как раз нет, – солгал Жиголо.

– А когда она здесь появится? – Ван-Ин потянулся к своему стакану с виски. Руки его дрожали.

Лео ткнул его под ребро. Они с Ван-Ином были знакомы больше двадцати лет, и Лео больно и горько было видеть своего друга в таком состоянии.

– Она придет в среду вечером, – зевнув, сказал Жиголо. – Я попрошу ее дожидаться вашего прихода. Идет?

Внезапно Ван-Ина вырвало, и он в изнеможении упал на диванчик. Голова у него кружилась, левую ногу свело судорогой.

– Нам пора идти, комиссар. – Лео подошел к Ван-Ину и потряс его за плечо. – Вставай. Жиголо кивнул и тоже подошел к комиссару.

– Да, комиссар действительно выглядит неважно, – сказал Жиголо. – Он сегодня что-нибудь ел? Или только пил?

– Ему нужно выйти на свежий воздух, – отрезал Лео, даже не взглянув в сторону Патрика. – Дай мне руку, дружище.

Лео и Жиголо помогли комиссару подняться на ноги и повели к выходу. Ван-Ин был настолько пьян, что даже не стал сопротивляться. Путь к выходу из кабинета, казалось, продлился целую вечность. Ван-Ин шел пошатываясь, словно канатоходец. В эту минуту он напоминал отравленного таракана. Сейчас ему хотелось только одного: лечь на один из этих диванчиков и уснуть.

Вскоре они вышли в переполненный народом зал. Они продирались сквозь толпу не менее пяти минут. У выхода к ним подскочил Жак. Жиголо тут же куда-то исчез.

– Удачи вам, джентльмены, – не скрывая насмешки, проговорил, по обыкновению, бледный, похожий на призрак официант.

Лео и Ван-Ин вышли из бара. Ноги комиссара тут же подогнулись, и он рухнул на снег. Он сидел, привалившись к стене бара. Взгляд его был совершенно бессмысленным.

– Ты в своем уме? – проворчал Лео. – Ты что, хочешь замерзнуть насмерть? Давай вставай! Ну же, поднимайся!

Ван-Ин ничего ему на это не ответил, ладонью зачерпнул снег и принялся растирать им лицо.

– Не думай, что я стану тебе сочувствовать, – сердито проговорил Лео. – Ты сам во всем виноват. Это надо же было так надраться!

– Проклятье, – дрожа от холода, с трудом ворочая языком, проговорил комиссар. – Эти негодяи явно что-то подмешали в мой напиток.

– Конечно, – саркастически хмыкнул Лео. – Они подмешали в твою колу виски, как ты и просил.

Ван-Ина опять начало рвать. Как только приступ прошел, он снял с себя пиджак и рубашку и принялся посыпать свою грудь снегом, словно ребенок, играющий на пляже с песком.

– С вами все в порядке? – с любопытством глядя на комиссара, спросил какой-то хорошо одетый мужчина, в эту минуту проходящий мимо. – Может быть, вызвать вам скорую помощь?

– Не лезьте не в свое дело, – огрызнулся Лео. – Ступайте, куда шли.

– Мне кажется, вашему другу совсем плохо, и врач бы ему не помешал, – продолжал настаивать незнакомец. Он пропустил грубость Лео мимо ушей и разговаривал все так же вежливо.

Лео Ванмаэль обладал спокойным и незлобивым нравом. Он всегда старался избегать конфликтов, но выпитый «Дювель» разбудил в нем мистера Хайда.

– Он принимает наркотики? Или, может быть, допинг? – как ни в чем не бывало продолжал мужчина, озабоченно глядя на поникшую фигуру комиссара. – Такие времена пошли, не так ли? А он не похож на цыпленка. Вы смотрите на всех этих молодых, накачанных парней, которых целыми днями показывают по телевизору, и хотите быть такими же, как они. Но, поверьте, все, что они показывают, всего лишь...

– Послушай, приятель, – откашлявшись, проговорил Лео. – Если ты не прекратишь нести всю эту чушь и немедленно не уберешься отсюда, я арестую тебя за возмущение спокойствия. – С этими словами он вынул из кармана удостоверение криминальной полиции.

Угроза произвела на незнакомца должное впечатление.

Добрый самаритянин, даже не взглянув на удостоверение, бросился бежать, словно спринтер.

Лео Ванмаэль посмотрел на свое удостоверение и усмехнулся. По ошибке он достал из кармана не удостоверение криминальной полиции, а дисконтную карту.

Глава 4

На следующее утро Ван-Ин проснулся совершенно разбитым. Язык его распух, в глаза словно песку насыпали. Горло саднило, и комиссару было больно глотать, ему не помог даже двадцатиминутный душ. Кости все так же ломило, голова раскалывалась. Ван-Ину казалось, что суставы его скрипят, словно лопасти несмазанного механизма, грудь нестерпимо болела, было трудно дышать. У него было такое ощущение, что он всю ночь проспал с двадцатипудовой глыбой на груди. Ван-Ин осторожно ощупал грудь и чуть не потерял сознание от боли.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале: лицо было серым, как у призрака. К счастью, перед глазами у Ван-Ина был туман и он не заметил жировые складки, наметившиеся на животе.

Кофе показался комиссару невкусным, словно подогретая разбавленная нефть. Комиссар закурил и тут же закашлялся.

«Уже ничто не способно испортить мне настроение, – мрачно подумал он, – поскольку день и без того выдался на редкость паршивым».

Вздыхнув, Ван-Ин поплелся к почтовому ящику. Там лежал какой-то конверт. Письмо было из банка. Не самое лучшее начало дня. Он прошел на кухню и налил себе вторую чашку кофе. На этот раз кофе показался ему вкуснее.

Он закурил и открыл конверт.

– Курение вызывает рак? Какие глупости, – пробормотал он.

Целых два дня он приходил в себя после извещения из налоговой полиции. Но даже оно не шло ни в какое сравнение с этим письмом.

«О, Иисус Гельмут Христос! – подумал он. – Это конец».

Ван-Ин задумался. И, как всегда в такие минуты, принялся делать несколько дел одновременно. Это помогало ему сосредоточиться. Комиссар выключил кофеварку и проверил воротничок рубашки, которую он вчера непредусмотрительно бросил прямо на кухонный стол. Кофе вызвал целую бурю у него в животе, и Ван-Ин еще раз перечитал письмо, сидя на унитазе.

«Нужно решить это сегодня. Откладывать это дело на завтра ни в коем случае нельзя, – подумал он. – Я покажу этим белым воротничкам, из какого теста сделан комиссар Ван-Ин».

Как и следовало ожидать, воротничок рубашки был грязным и засаленным, но комиссар решил ее надеть. Выбора у него не было, все остальные рубашки уже отдыхали в корзине для грязного белья. Он протер подмышки лосьоном после бритья, чтобы перебить запах пота, и застегнул рубашку. Лучший костюм Ван-Ина был летним, но зато выглядел прилично, поэтому выбор пал на него.

Управление банка находилось в пяти минутах ходьбы от дома, в котором жил комиссар. Старинные кованые ворота XV века закрылись за спиной Ван-Ина, и, выйдя на улицу, он сразу же начал дрожать от холода. Он не надел зимнее пальто, поскольку оно плохо сочеталось с его летним костюмом, и теперь ему было нестерпимо холодно.

К счастью, день был солнечным, и в своем летнем костюме Ван-Ин выглядел не так уж и нелепо. Но тем не менее он не решился идти по многолюдной Синт-Якоб-стрит и отправился обходным путем.

Банк располагался в удивительно красивом здании средневековой ратуши, которая была отреставрирована три года назад. Но внутри это прекрасное старинное здание являло собой всего лишь современный офис заурядного банка. Больше всего банк напоминал бомбоубежище. Автоматические двери бесшумно распахнулись, приглашая Ван-Ина войти. Но, как только комиссар оказался внутри, его охватили тоска и скука. Однако клерки, должно быть, чувствовали себя здесь как дома. Для них, по-видимому, эта обстановка была привычной и даже уютной. Калорифер работал на полную мощность, и в банке стояла душающая жара.

«Наверное, они нарочно так яростно топят, чтобы затуманить мозги посетителям», – с неприязнью подумал комиссар.

В офисе находились шестеро клерков. Четверо из них были заняты. Ван-Ин придирчиво оглядел двух других, у которых в эту минуту не наблюдалось посетителей: лысеющий мужчина средних лет с постной физиономией, глядя на которого Ван-Ин подумал, что тот в свободное от работы время занимается триатлоном, и молодая девушка, скорее всего, провалила экзамены в экономический колледж и вынуждена работать здесь. Двух этих клерков объединяло одно – полное равнодушие к клиентам. Ни один из них даже не взглянул на Ван-Ина. Подумав с минуту, комиссар остановил свой выбор на девушке.

– Я могу переговорить с мистером Лонневилем? Меня зовут Питер Ван-Ин, – представился комиссар.

Девушка была одета в модную вязаную кофточку, комиссар подумал, что под ней, должно быть, не менее модный бюстгальтер.

– Мне очень жаль, мистер Ван-Ин, но в данный момент мистер Лонневиль занят. У вас с ним назначена встреча?

– Нет. Я по личному вопросу. Не могли бы вы передать мистеру Лонневиллю, что Питер Ван-Ин хочет с ним встретиться?

Он старался говорить так, чтобы его голос звучал спокойно и в то же время в нем слышалась скрытая угроза.

Гиртруй Вэс – ее имя комиссар прочел на бейжке – отложила ручку и смерила Ван-Ина подозрительным взглядом.

– Это очень срочно, мисс Вэс. Мистер Лонневиль – мой друг. Мы знакомы уже много лет, – продолжал сочинять на ходу Ван-Ин. Его слова прозвучали вполне убедительно. Во всяком случае, на девушку они подействовали.

Мисс Вэс улыбнулась Ван-Ину. Ее улыбка была фальшивой и какой-то механической. Так, должно быть, она улыбалась сотням клиентов в день. Она задумалась, не зная, как поступить.

– Одну минутку, мистер Ван-Ин, – проговорила она наконец.

С явным неудовольствием она поднялась со своего места и спустя мгновение исчезла за дверью, которая находилась у нее за спиной. Ван-Ин проводил ее изучающим взглядом. Гиртруй Вэс была одета в темно-серые джинсы с эластичным ремнем и короткую обтягивающую кофточку. Этот наряд очень ей шел. Ее женственная фигура напоминала виолончель, а в движениях своих она явно подражала Наоми Кэмпбелл.

Ван-Ин поправил галстук и взглянул на свое отражение в зеркальной стене, отделявшей банк от внешнего мира. Его не очень обрадовало то, что он увидел. Любитель триатлона зевнул и даже не прикрыл рот ладонью. Скучающим взглядом окинув Ван-Ина, он принялся протирать очки в дорогой оправе.

Спустя несколько минут вернулась мисс Вэс.

– Мистер Лонневиль сможет принять вас прямо сейчас, – сказала она. – Я проведу вас к нему.

С этими словами мисс Вэс нажала на кнопку, и дверь, из которой она только что вышла, открылась. Но, как только Ван-Ин направился к двери, индикатор, встроенный в замок, замигал красным, и дверь закрылась. В раздражении девушка-клерк опять нажала на кнопку, и на этот раз Ван-Ин смог благополучно пройти внутрь. Он двигался неуверенно, словно вор, который боится, что его вот-вот застанут на месте преступления. Гиртруй Вэс провела комиссара в небольшую приемную.

– Садитесь, мистер Ван-Ин, – проговорила она. – Управляющий скоро придет.

В приемной стоял густой запах моющего средства. На столе лежали замусоленные номера «Финансиал таймс». Эта комната, казалось, была предназначена исключительно для клиентов,

которые не могли вовремя оплатить свои долги. Ван-Ин в раздражении подумал, что в соседней комнате, для других, более состоятельных и потому более уважаемых клиентов, стоит бутылка дорогого коньяка и вазочка с шоколадным печеньем.

Лонневиль заставил Ван-Ина ждать добрых двадцать минут. Часы на башне Брюгге прозвонили четверть одиннадцатого.

Внезапно дверь открылась. В комнату вошла молодая светловолосая девушка. Она жестом пригласила комиссара войти и сказала, что Гумберт Лонневиль ждет его в своем кабинете. Судя по всему, она была его секретаршей. Глядя на нее, Ван-Ин подумал, что у мистера Лонневилья прекрасный вкус. Молодая сексапильная, длинноногая блондинка, казалось, сошла со страницы глянцевого журнала.

– Доброе утро, мистер Ван-Ин. Садитесь. Чем могу служить? – любезно поинтересовался Лонневиль.

Ван-Ин сел на простой, но дорогой и изысканный стул. Лонневиль ласково улыбнулся Ван-Ину. Это был сорокапятилетний, гладко выбритый мужчина в шикарном костюме. Внешность его была абсолютно безликой. Как и секретарша, он был достойным винтиком банковского механизма.

– Итак, что вы хотели, мистер Ван-Ин? – важно проговорил он. – Я вас внимательно слушаю.

– Вы не против, если я закурю? – спросил комиссар. Лонневиль в ужасе бросил взгляд на недавно побеленный потолок.

– Вообще-то это крайне нежелательно, – сказал Лонневиль. – Но, если вы так этого хотите...

Ван-Ин кивнул и смущенно потупился. Он мысленно обругал себя «болваном». Похоже, он все испортил. И дернул его черт попросить разрешения закурить. Это все от волнения.

– Вы, наверное, читали мое досье.

Лонневиль сложил руки на столе и молча смотрел на Ван-Ина.

– Боюсь, что нет, мистер Ван-Ин, – сказал он наконец.

«Собака! Безусловно, ты читал мое досье и прекрасно знаешь, зачем я пришел», – подумал Ван-Ин. Раздражение с каждой минутой овладевало им все сильнее.

Люди, занимающие руководящие должности, любят подобные игры. Им доставляет удовольствие проявлять свою власть и унижать тех, кто в данный момент от них зависит. Мистер Лонневиль хочет, чтобы он сам рассказал ему о своем безвыходном положении. Полицейские при допросе подозреваемых тоже часто пользуются подобными приемами.

– Я на пять месяцев просрочил выплаты по кредиту вашему банку, – заговорил комиссар. – А сегодня утром получил вот это письмо. – Он протянул конверт своему мучителю.

Лонневиль взял у него письмо и быстро пробежал его глазами.

– Ну и что? Не понимаю, что вас так беспокоит. Это не проблема для человека в вашем положении, – заявил он беспечно.

Эта далекая от настоящей жизни банковская крыса намекала на большую зарплату, которую каждый месяц получал комиссар. Разве мог Лонневиль понять, что Ван-Ину ее катастрофически не хватает?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Но я все равно сейчас не могу выплатить этот долг, – сухо проговорил комиссар. – Дайте мне еще немного времени.

Лонневиль тяжело вздохнул, словно школьный учитель, лучший ученик которого провалился на экзамене.

– Я ничем не могу вам помочь, мистер Ван-Ин, – уверенно произнес Лонневиль. – Послав вам это письмо, наш банк действовал в рамках закона.

– Дайте мне еще немного времени, – упрямо повторил комиссар. – Или позвольте взять у вас ссуду.

– Вы хотите, чтобы мы дали вам больше времени? – невозмутимо уточнил Лонневиль. – Но мы не можем ждать больше пяти месяцев. Обычно мы посылаем письмо с требованиями о платеже уже через три месяца. Вам и так пошли навстречу.

– Тогда я хотел бы взять у вас ссуду, – сказал Ван-Ин. – Поймите, я не могу потерять свой дом. Для меня это очень важно. Я должен решить эту проблему. И не важно, каким способом.

Казалось, что Лонневиль искренне сочувствует бедственному положению Ван-Ина. Щеки его покраснелись, а взгляд затуманился.

Тут в соседней комнате заработал принтер. Ван-Ин вздрогнул от неожиданности. Дверь приоткрылась, и в комнату вошел худой, как скелет, мужчина. Под мышкой он нес большую папку с досье комиссара.

– Значит, вы хотите, чтобы мы дали вам еще немного времени, – насмешливо улыбаясь, проговорил Лонневиль. – Это возможно. За вас может кто-нибудь поручиться? Друзья? Или родственники? – Он прекрасно знал, что поручиться за него никто не может.

Лонневиль в изнеможении откинулся в своем кожаном кресле и положил голову на подголовник. Весь его вид говорил о том, что банковские служащие не обязаны входить в положение клиентов и дальнейший разговор с Ван-Ином абсолютно бесперспективен.

– Этот дом очень важен для меня. Мои финансовые трудности – явление временное. Уверяю вас. Можете вы это понять или нет? – стукнув по столу кулаком, закричал комиссар.

– Я прекрасно понимаю вас, мистер Ван-Ин, – заверил комиссара Лонневиль. – Но и вы поймите. Наш банк – не благотворительная организация. Если за вас некому поручиться, то, боюсь, я вас разочарую...

Ван-Ин нервно провел рукой по волосам. У него перехватило дыхание.

– Боже мой! Я люблю этот дом, – в отчаянии воскликнул он. – Через год я встану на ноги и смогу погасить кредит на семьдесят пять процентов. Я не понимаю, почему вы не хотите продлить мой кредит!

– Вы хотите, чтобы мы отсрочили ваш платеж на целый год? – потрясенный такой наглостью, вскричал Лонневиль. – Надеюсь, вы шутите? Все, что я могу для вас сделать, – это продлить срок выплаты до 1 марта. И точка!

На самом деле Лонневиль собирался продлить Ван-Ину срок до 1 марта еще до того, как тот вошел в его кабинет. Но Лонневиллю нравилось производить впечатление на своих клиентов. Ему нравилось доводить их до отчаяния, а потом проявить снисхождение и видеть благодарность в их глазах. И потому он решил отсрочить комиссару казнь на две недели.

– А что будет, если я не смогу расплатиться до 1 марта? – потерянно спросил Ван-Ин.

Лицо Лонневила вытянулось.

– Тогда ваш дом, который вы так цените, будет выставлен на публичный аукцион, – отрезал он. – Ваш дом представляет большую ценность и недостатка в покупателях не будет, уверяю вас.

Гнев, который Ван-Ин подавлял все это время, внезапно вырвался наружу. Казалось, лавина накрыла его и понесла вперед. Он уже не мог остановиться. Словно со стороны, комиссар увидел, как он со всего размаху бьет Лонневила по лицу. Ему хотелось разорвать на части эту банковскую крысу.

– С меня хватит, мистер Лонневиль, – задыхаясь от ярости, проговорил он.

Гнев его немного утих. Он стоял, опершись на стол Лонневила. Управляющий сидел, в ужасе прикрыв голову руками.

– Комиссар Ван-Ин, вы... – дрожащим голосом проговорил он, когда наконец обрел дар речи.

– Я хочу задать вам еще один вопрос. Только и всего, – перебил его комиссар, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

Управляющий безуспешно пробовал найти тревожную кнопку.

– Конечно, комиссар. Задавайте. – Губы его искривила дрожащая улыбка.

– Вы знаете, кто такой Скрудж?

– Скрудж? – непонимающе глядя на Ван-Ина, переспросил Лонневиль.

– Ладно, забудьте, – проворчал Ван-Ин. – Банковские служащие не читают книг. Им это просто не нужно. Главное для них – знать арифметику.

– Комиссар! – запротестовал Лонневиль. Взгляд его опять стал затравленным, как у пойманного в ловушку зверя.

– Удачного дня, – прошипел Ван-Ин и направился к выходу. – Кстати, чуть не забыл, – сказал он уже у самой двери. – Если вы выставите мой дом на аукцион, вы покойник. Я просто хочу вас предупредить.

Лонневиль ловил воздух открытым ртом, как выброшенная на сушу рыба. Его обычно румяное лицо побледнело до синевы.

– Вы угрожаете мне расправой? – потрясенно глядя на комиссара, спросил он.

– Вы можете написать на меня жалобу в полицию. Уверю вас, я отнесусь к ней с должным вниманием, – насмешливо улыбнувшись, проговорил комиссар.

Когда Ван-Ин вышел из кабинета управляющего, блондинка вскочила со своего места и двинулась ему навстречу.

– Утешь его, милашка, ему сейчас это необходимо, – язвительно проговорил Ван-Ин. – В конце концов, именно за это ты и получаешь зарплату.

Ван-Ин медленно брел по Стин-стрит, угрюмо опустив голову. Настроение у него было на редкость паршивым. На улице практически совсем не осталось снега. Городские власти направили на улицы грузовики с солью, а дворники, работающие в коммерческих магазинах, с самого утра принялись посыпать ею снег. Торговля в Брюгге была делом священным. И от торговцев было гораздо больше пользы, чем вреда. Взять хотя бы тех же дворников, зимой расчищающих снег, а летом подметающих площадки перед магазинами. Благодаря им улицы в Брюгге были идеально чистыми. Не то что фермеры. Казалось бы, их деятельность никому не могла навредить. Наоборот. Но на деле получалось иначе. Они загрязняли почву и окружающую среду удобрениями и не делали ничего полезного для города и страны.

Размышляя таким образом, Ван-Ин медленно шел по улице. Он направлялся к зданию городского суда. Ему нужно было как-то развеять свое дурное настроение. И потому он собирался встретиться с Ханнелоре. Вряд ли она прогонит его. Во всяком случае, он очень надеялся, что нет. Интересно, она все еще на него сердится? Они давно не виделись. С тех пор, как поссорились.

Он остановился у «Си и Эй», чтобы собраться с мыслями.

– Боже мой, – пробормотал он. – Кто я, в конце концов, мужчина или тряпка? Нужно взять себя в руки и прекратить ныть. Лонневиль дал мне целых две недели. За это время я просто обязан решить все проблемы.

Мимо проходили двое молодых людей, по виду явно представители какой-то субкультуры. Они с удивлением посмотрели на комиссара. Вероятно, услышали, что он разговаривает сам с собой.

– У тебя галлюцинации, старик? – спросил один из них, и оба расхохотались.

Ван-Ин окатил их холодным взглядом, а потом показал язык. На что они ответили, подняв средний палец. Как ни странно, никто из проходивших мимо людей не обратил внимания на эту забавную пантомиму. Ван-Ин улынулся и вспомнил то время, когда сам был молодым. Это было время бунтарства. Время, когда хиппи восставали против общественных устоев... Конечно, в движении хиппи было много недостатков. И все же они были лучше, чем безмозглое поколение современной молодежи, которому важны только деньги и карьера.

Комиссар достал из пачки сигарету, зажег ее и с наслаждением затянулся. После визита в банк, где курить было категорически запрещено, сигареты казались Ван-Ину чем-то запрет-

ным, почти непристойным. Ему с огромным трудом удалось справиться с наваждением и заку- рить в общественном месте.

Из-за отсутствия снега и слепящего солнца казалось, что уже наступила весна. Около какого-то большого магазина собралась целая компания молодых людей. Все они были без пальто. Ван-Ин удивился, почему эти болваны расхаживают без пальто в зимний день. А потом вспомнил, что и сам сегодня решил обойтись без верхней одежды. Неожиданно он почувство- вал, что промерз до костей. Когда Ван-Ин вышел из банка, он был в таком отчаянии, что даже не почувствовал холода, и только теперь понял, как сильно замерз. Комиссар поднял воротник пиджака и ускорил шаг.

Неожиданно Ван-Ину пришло в голову, что ему не следует приближаться к полицейскому участку. Комиссар безнадежно опоздал на работу, и его коллеги, должно быть, подумали, что он заболел. В очередной раз Ван-Ин пожалел, что полицейский участок находится так близко от его дома. Кто-нибудь из его коллег может увидеть его, шатающегося в рабочий день неиз- вестно где. Он зашел на террасу первого попавшегося кафе под тентом. К удивлению Ван-Ина, в кафе было тепло. В углу стояла газовая плита, на которой официант подогревал детскую бутылочку. Комиссар не сразу заметил молодую пару с ребенком. Они делали вид, что внима- тельно изучают меню. Ребенок оглушительно орал.

За столиком возле двери сидел прилично одетый мужчина и потягивал пиво. Ван-Ин тоже сел за столик, подальше от кричащего младенца.

– Что вам нужно? – довольно грубо обратился к нему официант.

* * *

К середине дня комиссар успел выпить ровно столько, чтобы, с одной стороны, быть в состоянии самостоятельно передвигаться, а с другой – найти в себе силы, чтобы встретиться с Ханнелоре. Только под воздействием спиртного Ван-Ин и мог побороть врожденный комплекс неполноценности и доказать самому себе, что он настоящий мужчина. Он пытался изжить в себе этот комплекс на протяжении многих лет. Но так до конца и не смог его победить. Ван-Ин научился скрывать свою природную робость от посторонних. Многие считали комиссара даже излишне самоуверенным. И только самые близкие Ван-Ину люди знали о его патологической боязни разрешать проблемы и стремлении прятать голову в песок. И потому с его стороны решение наладить отношения с Ханнелоре после ссоры было настоящим подвигом.

Ван-Ин ждал Ханнелоре возле здания городского суда. Это фешенебельное здание нахо- дилось неподалеку от Круиспурта. К нему вели чудом сохранившиеся средневековые ворота. Обычно Ханнелоре заканчивала работу в половине седьмого. К счастью, сегодняшний день не стал исключением.

Ханнелоре появилась на автостоянке ровно в половине седьмого, красивая, словно нимфа из средневекового леса. Она была одета в длинную узкую серую юбку и короткую кожаную куртку. При ходьбе в разрезе юбки открывались соблазнительные ножки. В призрачном свете фонаря они казались особенно привлекательными.

– Привет, Питер. Давно не виделись, – поздоровалась она, увидев комиссара.

Он подошел к Ханнелоре и целомудренно поцеловал ее в лоб.

– Все в порядке? – с глуповатой улыбкой спросил Ван-Ин. – Надеюсь, ты на меня не сердишься? В прошлый раз я вел себя как настоящий идиот.

– Ты хочешь, чтобы я опять начала читать тебе нотации? – со смехом проговорила моло- дая женщина.

Ван-Ин не решился положить руку ей на плечо, хотя ему очень этого хотелось.

– Я взял сегодня отгул и подумал, что... – неуверенно начал комиссар.

– Держу пари, ты опять сказался больным, – усмехнулась Ханнелоре. Ее глаза весело заблестели.

– Ну да, ты совершенно права, – неохотно признался Ван-Ин.

– Сегодня утром я разговаривала по телефону с Гвидо, – виноватым тоном проговорила Ханнелоре. – Он бы, наверное, очень удивился, узнав, что ты был в состоянии дойти до автостоянки городского суда.

С этими словами Ханнелоре открыла дверцу своего «рено-твинго» со стороны пассажирского сиденья, и комиссар сел в машину.

– Почему ты без пальто? Ты же мог замерзнуть насмерть, – ласково пожурела Ван-Ина Ханнелоре. – На улице отнюдь не лето.

На комиссара действительно было жалко смотреть. Он посинел от холода и весь дрожал. Его хлопчатобумажный костюм, казалось, покрылся ледяной коркой. Ханнелоре завела машину и включила печку.

– Ничего страшного. Я прождал тебя всего пару минут, – сказал комиссар. Он все еще дрожал от холода и никак не мог согреться. – Ты до сих пор ко мне неравнодушна?

– Конечно нет, Питер. С чего ты взял? Но я рада тебя видеть. Мне нужно столько всего тебе сказать. Я звонила тебе домой, а потом на работу, но ты не отвечал, и я...

«О боже! – подумал комиссар. – Я выгляжу как настоящий кусок дерьма».

Ханнелоре повернулась к Ван-Ину, положила руку ему на плечо и поцеловала. Губы ее были прохладными и сухими.

– Вот что я называю настоящим поцелуем, – заявила она, когда Ван-Ин высвободился из ее объятий.

Комиссару хотелось бы продлить этот поцелуй, но нос его был заложен, и ему нечем стало дышать.

– Тебе уже лучше? – спросила Ханнелоре.

Ван-Ин кивнул, хотя это было не совсем так. Голова его кружилась, а в ушах звенело. Он не мог понять природу этого звона. То ли это били часы на башне, то ли это звенело у него в голове. Он так и не смог до конца согреться. Казалось, Ханнелоре читала его мысли. Она перевела печку на более сильный режим и включила «дворники», чтобы стряхнуть снег с ветрового стекла. Взглянув в зеркало заднего обзора, Ханнелоре заметила судебного следователя Крейтенса. Он нес потрескавшийся от старости кожаный дипломат.

– Это не его стиль, – сказала Ханнелоре.

Ван-Ин не понял, что она имеет в виду.

– О ком ты говоришь? – удивленно глядя на нее, спросил он.

– Посмотри назад. Ты его узнаешь? – вместо ответа, задала вопрос Ханнелоре.

Ван-Ин посмотрел назад и увидел, как судебный следователь Крейтенс счищает снег с ветрового стекла своего обветшалого, побитого жизнью «мерседеса» пластиковой лопаткой.

– Крейтенс по прозвищу Скряга, – насмешливо улыбнувшись, проговорил Ван-Ин. – Жадность ходит за ним по пятам. Кажется, она въелась в его кровь и плоть. Конечно же я его узнаю.

Ханнелоре рассмеялась. Ее искренне позабавила шутка Ван-Ина. Комиссар был рад, что ему удалось развеселить ее.

– Ты как, начинаешь потихоньку оттаивать? – спросила она.

– Да, медленно, но верно. Как земля ранней весной. Но если я до конца не смогу согреться, то обращусь к тебе за помощью, – лукаво улыбнувшись, проговорил Питер. – Надеюсь, ты не откажешь в частице тепла замерзшему путнику.

Обычно Ханнелоре сердили непристойные намеки комиссара. Но в этот раз она на него не обиделась и даже поцеловала его. «Сердце женщины – великая загадка», – подумал Ван-Ин.

– Хочешь закурить? Дать тебе сигарету? – спросила Ханнелоре, оторвавшись от его губ.

– Конечно хочу.

У него давно закончились сигареты, и он не курил уже несколько часов.

– Значит, ты на меня больше не сердишься? – с надеждой в голосе спросил комиссар.

Ханнелоре тоже закурила и прибавила скорости.

– В тот раз я очень рассердилась на тебя, Питер Ван-Ин. И ты об этом прекрасно знаешь. Когда на Рождество ты пришел в гости в дом моих родителей, ты уже успел как следует набраться. Посуди сам, любой бы на моем месте рассердился, – укоризненно покачав головой, сказала она.

Питер Ван-Ин вспомнил эту безобразную сцену и поморщился от отвращения к самому себе. Сигарета показалась ему горькой на вкус.

– Но это было три месяца назад, – примирительным тоном добавила Ханнелоре. – Теперь я совсем на тебя не сержусь.

– Это было двенадцать недель назад, – поправил ее Ван-Ин, который любил точность.

Ханнелоре пропустила его фразу мимо ушей.

– Не знаю, что подумали о тебе мои родители, когда ты растянулся на диване в гостиной и храпел, – со смехом вспомнила она.

– Неужели я храпел? Быть этого не может! Я никогда не храплю!

– Да. Ты храпел так, что трясся весь дом, – продолжала смеяться Ханнелоре. Она явно преувеличивала. – Моему отцу пришлось сделать телевизор на полную мощность, но он все равно не смог заглушить твой храп. В тот вечер ему так и не удалось нормально посмотреть свой любимый сериал. Но мама непонятно почему прониклась к тебе симпатией.

– Неужели? – недоверчиво глядя на нее, спросил комиссар. – Ты говоришь серьезно?

– Абсолютно серьезно! Но учти: моя мама готова проникнуться симпатией к кому угодно, – со смехом сказала она. – Так что не обольщайся.

– Перестань надо мной смеяться, Ханне. Я и так чувствую себя ужасно неловко.

– Как скажешь! Ваше желание для меня закон, сэр.

– Ханне!

– Ну хорошо, хорошо. Я сейчас перестану. Да, кстати, что ты собираешься делать сегодня вечером?

Ван-Ин затушил сигарету и неопределенно мотнул головой.

– Даже не знаю, – неуверенно произнес он.

– Я думала, что тебе нужно многое мне сказать, – насмешливо проговорила она. – Впрочем, так же как мне – тебе. Нам давно нужно поговорить серьезно.

– О боже! – Вот теперь Ван-Ин окончательно пришел в себя.

Увлеченная разговором, Ханнелоре перестала следить за дорогой и чуть не врезалась в колонну велосипедистов, которые заняли всю середину проезжей части на Ланж-стрит. Один из них погрозил им кулаком и прокричал что-то в гнев. Ханнелоре, казалось, не обратила на это никакого внимания и как ни в чем не бывало продолжала:

– Я думала, что сегодня вечером мы вместе поужинаем. Вряд ли в твоей холостяцкой пещере найдется что-нибудь приемлемое. Так что...

Последняя незаконченная фраза Ханнелоре не предвещала ничего хорошего. Она явно намекала на то, чтобы поужинать в ресторане. И это было настоящей катастрофой. Потому что у Ван-Ина в кармане было всего пятьсот франков.

– Что за снобистское стремление к роскоши? – хмуро проговорил комиссар. – Посмотри на птиц в небе. Они веселы и беззаботны, хотя у них за душой ни гроша.

Ханнелоре рассеянно посмотрела в окно, пожалала плечами и хмыкнула.

– Как насчет греческого ресторана на Эзел-стрит? – с воодушевлением спросила она, словно не понимая намека. Но потом прибавила: – Не беспокойся. Я сама заплачу за ужин. Ты опять на мели? Или я неправильно истолковала твой намек?

Ван-Ин ничего не ответил. Он расправил плечи и молча закурил.

– Значит, ты решила назначить мне свидание? – нарушил он наконец затянувшееся молчание.

Он любил Ханнелоре, но никогда бы не сдался без боя. В машине снова воцарилось ледяное молчание, не предвещавшее ничего хорошего.

– Ну хорошо, – проговорила она, немного подумав. – Я прощаю тебя. Но это в последний раз. Клянусь тебе. Или ты не веришь женским клятвам?

Ван-Ин нахмурился, сделав вид, что сердится на Ханнелоре. Но когда она шутливо толкнула его локтем, он не выдержал и рассмеялся.

– Я так и знала, – со вздохом сказала она. – Ты никогда бы не сдался без боя.

– Ну хорошо, я сдаюсь. Мы поедем в ресторан, – улыбнувшись, сказал он. – Но при одном условии. Этот вечер мы закончим в моей постели. Ты согласна?

Глава 5

В греческом ресторане они заказали себе филе ягненка с зеленью под сметанным соусом. Блюдо было просто божественным. Владелец ресторана Нико выделил им столик у камина – это было лучшее место во всем зале. По мягкому шуршанию шин за окном Ван-Ин понял, что опять пошел снег. Атмосфера, в которой проходил ужин, была просто чудесной.

Мясо было приготовлено великолепно. Кроме того, Ханнелоре заказала графин прекрасного греческого вина.

– Расскажи мне об убийстве, которое произошло на Блайнд-Эзел-стрит, – неожиданно попросила она, сделав глоток из своего бокала.

– Об убийстве? – непонимающе глядя на нее, переспросил комиссар. – Почему ты называешь это убийством? Что ты имеешь в виду?

Ван-Ин задумчиво посмотрел на блюдо: осталось всего четыре кусочка мяса. Два из них Ван-Ин положил на свою тарелку, остальные отдал Ханнелоре. Ханнелоре, в свою очередь, вернула один из кусочков Ван-Ину.

– Так, значит, Фиддл все-таки умер? – догадался Ван-Ин.

– Да, сегодня утром он скончался в больнице от ран, – кивнула Ханнелоре. – Прокурор сразу же подключил Крейтенса к расследованию этого дела. Я заинтересовалась этим преступлением, когда узнала, что ты принимаешь участие в расследовании. Вот почему я решила тебе позвонить.

– Хотя полицейским категорически запрещено брать взятки, на этот раз я сделаю исключение, – лукаво улыбнувшись, проговорил Ван-Ин. – Я расскажу тебе об этом деле за порцию пахлавы.

– На твоём месте, Питер Ван-Ин, мне было бы не до смеха, – строго проговорила Ханнелоре. – Прокурор пришел в исступление, когда узнал, что ты не явился сегодня на работу. И недолго думая он передал это дело федеральной полиции.

– Тем лучше, – ответил Ван-Ин. – Он правильно сделал. Я буду ему за это благодарен до конца своих дней.

– Я абсолютно не понимаю тебя, Питер, – возмущенно проговорила Ханнелоре. – В кои-то веки тебе выпал шанс расследовать убийство, а ты не только упускаешь его, но и говоришь «тем лучше».

– Во-первых, когда мы начали расследовать это дело, немец был еще жив, – объяснил Ван-Ин. – Во-вторых, почему ты решила, что это убийство? Этот Фиддл напился, как свинья. На улицах был страшный гололед. Быть может, он просто поскользнулся и ударился виском, – сказал Ван-Ин, понимая, насколько неправдоподобно звучит эта версия происшедшего. – Как бы там ни было, мне не нужна лишняя головная боль. Забрали дело – и ладно.

– Тебя совсем не расстроил твой проигрыш? Впрочем, проигрывать тебе не привыкать. Ты всю жизнь только и делаешь, что проигрываешь, и, наверное, смирился со своим положением, – ядовито произнесла Ханнелоре.

Ван-Ин пропустил ее язвительное замечание мимо ушей и как ни в чем не бывало продолжал доедать свое мясо. Казалось, его это совершенно не задело.

– Я слышала, что возглавить это расследование должен комиссар Крус, – беспечно продолжала Ханнелоре.

Ее маневр возымел должный эффект. Он чуть не подавился.

– Комиссар Крус? Уилфрид Крус? – спросил он, задыхаясь. Лицо его покраснело.

– Ты с ним знаком?

– Ты же прекрасно знаешь, что да, – сказал Ван-Ин. Он дрожал, словно испуганный ребенок, заметивший злую собаку. – Все знают комиссара Круса. Большого болвана во всем Западном полушарии не сыскать.

– Болвана? А я бы не назвала его так, – возразила Ханнелоре, с трудом сдерживая смех. – Он такой брутальный – настоящий мачо. Да, он слишком самоуверен. Но отнюдь не глуп. И к тому же очень привлекательный мужчина.

– Значит, ты находишь его привлекательным? А мне всегда казалось, что у него задница вместо головы, – проворчал Ван-Ин. – Кроме того, он лживый и нечистый на руку тип. Он готов продать родную мать за сотню франков.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Питер Ван-Ин. Перестань нести ерунду! – сердито произнесла Ханнелоре.

Ван-Ин улыбнулся, как проказливый ребенок.

– Закажи мне пахлаву, – с несколько нахальным выражением лица попросил он.

– Прокурор настаивает на том, чтобы это дело расследовали как можно тщательнее, – не желала отступать Ханнелоре. – Оказывается, этот Фиддл был крупным бизнесменом.

– Давай оставим этот разговор, – недовольно глядя на нее, проговорил Ван-Ин. – Но, если хочешь знать мое мнение, то, на мой взгляд, прокурор слишком носится с убийством этого немца. Не думаю, что он бы отнесся к делу с таким же трепетом, если бы убили туриста из Марокко или Мексики. Можешь передать прокурору, что я и пальцем не пошевелю ради того, чтобы найти убийцу этого чертова немца.

– Питер, держи себя в руках, – укоризненно глядя на Ван-Ина, сказала Ханнелоре. – На нас же смотрят.

Парочка за соседним столиком в ужасе уставилась на Ван-Ина. Владелец же ресторана Нико слушал пламенные речи Ван-Ина с одобрительной улыбкой. Во время Второй мировой войны эсэсовцы взяли в плен его отца, а потом хладнокровно убили. Так что Нико, как и Ван-Ин, ненавидел немцев. У него к ним были свои счеты. И ему было плевать на то, как посетители ресторана относятся к словам Ван-Ина.

– Знаешь ли ты, что самый знаменитый сын немецкой земли был в действительности австрийцем? – спросил Ван-Ин, намеренно не понижая голоса.

Парочка за соседним столиком рассмеялась. Но от этого выражение их лиц не стало менее испуганным.

– Ты слышала историю о том, как двое немцев заказывали себе мартини в летнем кафе Лондона сразу после окончания войны? – нисколько не смутившись, так же громко продолжал Ван-Ин.

Люди, сидящие за столиками, вытянули шеи, с интересом прислушиваясь.

– Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, эти немцы говорили с официантом по-английски, – начал рассказывать Ван-Ин. – Официант спросил их: «Dry?» Как ты знаешь, это слово в переводе с английского означает «сухой» или, как в данном случае, «несладкий». Официант спрашивал, принести им сладкий мартини или несладкий. Но немцы не поняли его. И хором ответили: «Nein, zwei». Они решили, что он предлагает им три порции мартини вместо двух. Drei в переводе с немецкого означает «три».

История, которую рассказал Ханнелоре Ван-Ин, действительно была забавной, но она сочла за лучшее сдержать смех и сердито посмотрела на комиссара. Ханнелоре не любила, когда презрительно относятся к людям другой национальности.

– Нехорошо с таким презрением отзываться о немцах, – укоризненно глядя на Питера, произнесла она.

– Ну что ты, Ханне. Я же просто пошутил, – примирительно погладив ее по руке, сказал комиссар.

– Ты всегда так говоришь, Питер Ван-Ин, – продолжая делать вид, что сердится, заметила Ханнелоре.

В этот момент появился Нико с огромной порцией пахлавы.

– Это подарок от нашего заведения, – с дружеской улыбкой объявил грек. История Ван-Ина, в отличие от Ханнелоре, ему очень понравилась.

– Фиддл работал на «Киндерман». Это – самая крупная туристическая компания в Европе, – сообщила еще неизвестную Ван-Ину информацию Ханнелоре. – Приехав в наш город, он остановился в отеле «Дук де Бургоне», который расположен на Хуиденветтерс-сквер. Комиссар Крус и его коллеги осмотрели личные вещи Фиддла и нашли там несколько очень необычных фотографий.

С этими словами она вытащила из своей сумочки серовато-коричневый конверт, на котором крупными буквами было написано «Министерство юстиции».

Это фотография скульптуры «Мадонна Брюгге» Микеланджело? – чуть было не спросил Ван-Ин, но счел за лучшее промолчать.

– Что ты об этом думаешь? – спросила Ханнелоре и выложила на стол дюжину фотографий.

– Этот немец питал слабость к польдерам. Только и всего, – сказал Ван-Ин, взглянув на фотографии. – Ему нравилась бельгийская природа. Я не вижу в этом ничего подозрительного.

Ван-Ин задумчиво смотрел на фото фламандского фермерского домика и автострады, залитой неясным светом фонарей.

Судя по всему, эта трасса соединяла порт Цибрюгге с районами, расположенными вдоль прибрежной полосы. Она чем-то напоминала гремучую змею.

– Так что ты об этом думаешь? – повторила Ханнелоре.

Ей было любопытно, что скажет Ван-Ин по поводу этих фотографий.

Ван-Ин еще раз взглянул на фотографии. Все они были сделаны недавно и выглядели вполне невинно. Во всяком случае, комиссар ничего особенного в них не увидел.

– Честно говоря, Ханнелоре, я не вижу связи между этими фотографиями и убийством Фиддла, – задумчиво проговорил комиссар. – Мне кажется, это что-то вроде сувениров. Подобные фотографии туристы делают на память о стране, в которой им довелось побывать.

Тогда Ханнелоре достала из сумочки пожелтевшую монохромную фотографию и протянула ему.

– А что ты скажешь насчет этого?

– Это же «Мадонна!» – воскликнул комиссар. – Это фото тоже нашли в гостиничном номере Фиддла?

– Не разыгрывай дурака! Ты прекрасно знаешь, откуда эта фотография, – возмущилась Ханнелоре.

Ван-Ин ничего не ответил и принялся есть пахлаву. Несколько минут Ханнелоре терпеливо ждала, пока комиссар справится с лакомством и опять будет в состоянии говорить.

– Значит, все материалы дела теперь у комиссара Круса, – задумчиво проговорил он.

– Да, на этом настоял Крейтенс, – прошептала Ханнелоре. – К счастью, Лео сделал копии с этих фотографий. Крус бережет материалы дела как зеницу ока. И по правде говоря, мне это не нравится.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но... Но разве прокурор поручил тебе следить за Крейтенсом? – лукаво улыбнувшись, спросил Ван-Ин. – Или это твоя личная инициатива?

Ханнелоре нервно закурила. Краска смущения залила ее щеки. Она старалась не встречаться взглядом с Ван-Ином.

– Вы имеете право хранить молчание, – с усмешкой проговорил Ван-Ин, не дождавшись ответа на свой вопрос. – Но я считаю, что все только выиграют, если это дело достанется федералам.

Ханнелоре налила в свой бокал вина и подозвала официанта. Ван-Ин сильно захмелел. Глядя на него, Ханнелоре подумала, что к концу вечера он опьянеет до такой степени, что ей придется тащить его на себе.

– Принесите нам кофе и еще одну порцию пахлавы, – попросила Ханнелоре. Ею овладело легкое раздражение.

Улыбнувшись, грек отправился на кухню.

– С этим растением на заднем плане что-то не так. Только я не могу понять, что именно, – задумчиво произнес Питер. – Смотри.

И он указал пальцем на растительность позади статуи.

Ханнелоре взяла у него фото и покачала головой.

– Я прямо-таки слышу, как вращаются винтики у тебя в голове, Питер, – с хитровой улыбкой сказала она.

– Хватит ходить вокруг да около, Ханнелоре! – взорвался Ван-Ин. – Если ты что-то знаешь, скажи мне об этом напрямую.

Она смутилась. Комиссар застал ее врасплох.

– Ну хорошо. Сегодня мы с Лео встретились за ланчем, – смущенно потупившись, призналась она. – Как и я, Лео все утро пробовал дозвониться до тебя, но безуспешно. Он сказал, что ты просил его исследовать ландшафт на заднем плане.

– Да, – покорно кивнул Ван-Ин. – Значит, это фото – больше не часть официального досье.

– Как видишь, – согласилась Ханнелоре. Она была совершенно уверена, что Ван-Ин делает из этого правильный вывод. – Эксперты установили, что это за растение, – сказала она.

– Быстро они с этим справились, ничего не скажешь, – язвительно проговорил комиссар. – И каков их вердикт?

– Перестань язвить, Питер.

Ван-Ин ничего ей на это не ответил, подозвал официанта и заказал еще графин вина.

– Эксперты установили, что это лаконос.

– Очень подозрительное растение, – усмехнулся Ван-Ин.

Ханнелоре схватила его за нос и что есть силы сжала. Ван-Ину стало так больно, что на глазах его выступили слезы.

– Что ты делаешь, Ханне?! Отпусти сейчас же! – закричал он.

Люди, сидящие за соседним столиком, с интересом наблюдали за этой сценой. Они уже не жалели о деньгах, которые заплатили за вход. Такое представление увидишь не каждый день! Нико включил музыку – это была греческая гитара, – чтобы как-то отвлечь посетителей.

– Хватит! – взмолился Ван-Ин.

– Благодарю Бога, что я сжала тебе всего лишь нос, а не кое-что другое, – прошипела Ханнелоре и наконец-то отпустила его.

Комиссар принялся потирать покрасневший нос.

– Прочитай сто раз «Отче наш». Быть может, тогда я тебя и прощу, – совершенно серьезно заявила Ханнелоре.

Ван-Ин на всякий случай отодвинулся. Неизвестно, что взбредет в голову этой взбалмошной женщине. Что, если она опять примется за свое?

– Я больше никогда не стану смеяться над лаконосом. Честное слово, – пообещал он. – Расскажи мне, что тебе удалось узнать. Я весь внимание. И не стану тебя перебивать.

Ханнелоре некоторое время молча жевала пахлаву и ничего не отвечала.

– Дело в том, что лаконос растет только в Южном полушарии, – сказала она наконец.

– А «Мадонна»...

– А «Мадонны» там просто по определению быть не может, – убежденно произнесла Ханнелоре.

Ван-Ин в задумчивости взял кусок пахлавы.

– Вопрос: почему именно это фото Крейтенс выкрал из досье, – заметил он.

– Совершенно верно! Это я и хотела с тобой обсудить сегодня вечером...

Ван-Ин нахмурился, стараясь сосредоточиться. Сделать это было не так-то просто. Мысли его путались. Еще бы! Он ведь выпил сегодня целый литр вина.

– Что ты вообще знаешь об этом Крейтенсе? – спросил он.

– Прокурор уже давно подозревает Крейтенса во всяких грязных делах, – прошептала Ханнелоре.

Все это показалось Ван-Ину очень странным. Даже если у прокуроров и появляются какие-то подозрения относительно честности своих коллег, они об этом обычно не распространяются. К чему выносить сор из избы?

– Значит, прокурор поручил тебе следить за этим Крейтенсом? – уточнил комиссар. – Я правильно тебя понял?

Ханнелоре нервно кусала губы. Прокурор настоятельно просил ее держать все это в тайне. А она рассказала обо всем Ван-Ину.

– Не забывай, что служители судебной системы в нашей стране пользуются полной неприкосновенностью, – сказал Ван-Ин. – Они могут сколько угодно осуждать невинных людей и совершать бесчестные поступки, но все равно репутация их останется безукоризненной, и они будут пользоваться всеобщим уважением и почетом.

– Ты преувеличиваешь, – тяжело вздохнув, возразила Ханнелоре. – Это не совсем так.

– Ну хорошо, – согласился Ван-Ин. – Предположим, что судебный следователь Крейтенс – негодяй, коррумпированный до мозга костей. Он подтасовывает дела и утаивает важные улики. Но что лично я могу с этим сделать? Зачем ты мне все это рассказала?

– Я думала, что мы...

– О боже, ты такая наивная! Даже если мы проведем в его квартире обыск и наткнемся на тонны детской порнографии, то все равно не сможем ему ничего предъявить, – отрезал Ван-Ин. – Если человек облечен такой властью, он неприкосновенен, словно Бог. В процессе расследования он сможет делать все, что посчитает нужным. И никто не будет в силах ему помешать.

– Ты прав, Питер, – печально посмотрев на него, согласилась Ханнелоре. – Мы должны реально смотреть на вещи.

Ван-Ин разлил остатки вина по бокалам.

– Надеюсь, сегодня ты переночуешь у меня, – сказал он. Алкоголь, который приятно растекался по его венам, придал ему уверенности и смелости.

Ханнелоре в притворном смущении опустила глаза.

– Если ты разожжешь камин и поставишь «Кармину Бурану», то, может быть, я и соглашусь... – лукаво улыбнулась она.

– У меня в холодильнике осталась бутылка «Кадре Нуар», – многообещающим тоном сообщил комиссар.

– Это то самое вино, которое мы пили в октябре? Кажется, мы закусывали его креветками, – мечтательно глядя на него, напомнила Ханнелоре.

Ван-Ин прикрыл глаза и вспомнил, как в тот чудесный октябрьский вечер Ханнелоре сидела в его спальне, пила обжигающе холодное вино и закусывала его креветками. От креветок шел ароматный пар.

– Да, это был незабываемый вечер, – прошептал Ван-Ин и нежно погладил ее по руке. Как бы он хотел, чтобы все опять повторилось!

Глава 6

Когда на следующее утро комиссар Ван-Ин приехал на работу, там творилось нечто невообразимое. Казалось, разверзся ад. Его коллеги носились по коридорам полиции, словно призраки из второразрядного фильма ужасов. На Ван-Ина, однако, все это не произвело ни малейшего впечатления. И неудивительно. Ведь он всю ночь провел в раю. И теперь, как Данте, он равнодушно взирал на мучения грешников. Ведь муза Ван-Ина, Ханнелоре, ничем не уступала Беатриче.

– Что случилось? Неужто началась третья мировая война? – спросил он пробежавшего мимо инспектора.

Тот с удивлением посмотрел на комиссара, тряхнул головой и, ничего ему не ответив, побежал дальше.

– Похоже, весь мир сошел с ума, – тяжело вздохнув, пробормотал Ван-Ин.

– Здравствуйте, комиссар Ван-Ин, – раздался позади него голос, который Питер узнал бы из тысячи.

Комиссар повернулся и понял, что не ошибся. Перед ним стоял Версавел собственной персоной.

– Привет, Гвидо. Наконец-то я встретил нормального человека в этом сборище безумцев, – проговорил Ван-Ин. – Может, хоть ты объяснишь, что за дерьмо здесь происходит?

В отличие от остальных полицейских Версавел был, по обыкновению, выдержан. Ван-Ин всегда завидовал способности Версавела сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

– Значит, ты ничего не знаешь, комиссар? – удивленно спросил Версавел.

– Нет. А что случилось? – поинтересовался Ван-Ин.

По его лицу Версавел понял, что комиссар действительно ничего не знает.

– Сегодня ночью какой-то сумасшедший террорист взорвал памятник Гвидо Гезелле,⁸ – сказал Версавел.

– Ты шутишь? – недоверчиво глядя на Версавела, спросил комиссар.

– Какие уж тут шуточки, я говорю абсолютно серьезно, – ответил Версавел.

– Но почему мне никто ничего не сказал?

Ван-Ин забыл, что вчера вечером отключил телефон, чтобы его никто не беспокоил.

– Блейарт никак не мог до тебя дозвониться. У тебя что-то случилось с телефоном. В восемь вечера он послал к тебе домой патрульную машину, – объяснил Версавел.

– Проклятье! – пробормотал Ван-Ин. – Кто сейчас за главного?

Версавел взглянул на часы и покрутил ус.

– Вы, комиссар, – объявил он со скрытым злорадством.

– О, Иисус Гельмут Христос! – воскликнул комиссар. – Только этого не хватало! Такое прекрасное было утро, и на тебе! – добавил он себе под нос.

– Получается, у тебя нет никакой зацепки, – задумчиво проговорил Версавел.

– Какого черта ты от меня хочешь? – взорвался комиссар. – Я что, должен немедленно предоставить преступника со всеми доказательствами его вины? Да я и о взрыве узнал только что от тебя!

Он сразу же пожалел о своих словах. Версавел не заслужил подобного обращения.

– Прости, Гвидо, – виновато проговорил комиссар. – Не знаю, что на меня нашло.

– Ты уже прощен, – улыбнулся Версавел. Лицо его, как всегда, было невозмутимым.

⁸ Гвидо Гезелле (1830–1899) – фламандский поэт, филолог, фольклорист, член Королевской фламандской академии языка и литературы. (Примеч. ред.)

– Черт возьми! Ты знаешь, как заставить человека проснуться! – воскликнул Ван-Ин, вместе с Версавелом направляясь в 204-й кабинет.

– Ты не единственный, кого сегодня утром заставили проснуться, – сообщил Версавел. – Половину города поставили на уши. Главному специальному уполномоченному трижды за сегодняшнее утро звонил мэр. Сегодня вечером городской муниципалитет собирается созвать экстренное совещание.

– Насколько серьезно пострадал памятник?

– Все не так страшно, как может показаться на первый взгляд, – ответил Версавел. – По словам Блейарта, памятник упал и раскололся на три части.

– Кто-нибудь видел, как это произошло? – спросил Ван-Ин.

– А ты как думаешь?

– Прости. Это был глупый вопрос, – виновато глядя на Версавела, признал Ван-Ин.

«Да перестань ты, наконец, извиняться», – хотел сказать Версавел, но счел за лучшее промолчать.

Ван-Ин сел за свой стол и закурил.

– В кофеварке есть кофе? – спросил комиссар.

Покачав головой, Версавел подошел к подоконнику, на котором стояла кофеварка, налил в нее воды и стал ждать, когда приготовится кофе.

– Мой первый взрыв, мое первое настоящее дело, – мечтательным тоном проговорил комиссар. – Теперь я понял, зачем я живу. Чтобы это увидеть.

– Неужели ты раньше никогда не сталкивался со взрывами? – с удивлением глядя на комиссара, спросил Версавел. – А как же теракт 1967 года?

– В 1967-м я еще учился в школе, Гвидо, – ответил Ван-Ин и мысленно перенесся в то время. Золотые шестидесятые... Время свободы и разнuzданности...

– Но ты в то время жил в Брюгге, не так ли? – не отставал сержант.

– Да. Но я даже не сразу понял, что ты имеешь в виду. Ты говоришь о взрыве здания суда на Бург-сквер?

– Да, – кивнул Версавел. – Я имел в виду именно этот взрыв.

Он подошел к своему письменному столу и достал из верхнего ящика железную коробку с рафинадом и две кружки.

– Тогда в здании суда выбило все стекла, а преступники так и не были найдены. Поднялась такая шумиха! Прокурор тогда допросил половину округа. Но безуспешно, – рассказал Версавел. – В газетах стоял сплошной крик. Журналисты обвиняли полицейских в бездействии. И это в шестидесятые! Подумать только!

– Да, помнится, в те годы журналисты были скромнее. Это сейчас на первых полосах газет появятся обвинительные, гневные статьи, если ты начнешь допрашивать пациентов психиатрических клиник в связи с сегодняшним происшествием, – насмешливо улынувшись, проговорил Ван-Ин.

Версавел разлил кофе по чашкам.

– Думаю, нам ни в коем случае нельзя начинать допрашивать людей, состоящих на учете в психиатрических клиниках, – заметил Версавел. – Иначе в газетах появятся заголовки: «Полиция считает, что статую взорвали мусульмане-фундаменталисты из-за поэмы, которую Гезелле написал сто лет назад» – и тому подобная чушь.

– А кого еще винить? – с серьезным видом проговорил комиссар. – Коммунистов больше нет. А африканцам нет никакого дела до других стран. Им куда больше нравится истреблять друг друга.

– А безработные у нас слишком ленивы для того, чтобы устраивать взрывы, – подхватил Версавел.

– Кто же тогда остается?

– Бизнесмены! Больше это сделать некому.

Версавел протянул Ван-Ину кружку.

– Тебе один кусочек сахара? – обратился он к комиссару.

– Два, Гвидо. В отличие от некоторых я не слежу за фигурой, – насмешливо улыбнувшись, проговорил он.

Версавел пропустил язвительное замечание Ван-Ина мимо ушей и протянул ему коробку с сахаром.

– По словам Картона, мэр боится, что этот взрыв пагубно скажется на экономике города, – сказал он.

– Значит, наш мэр боится, что после этого теракта в Брюгге перестанут приезжать туристы? – уточнил Ван-Ин.

– Всем известно, что сейчас туристический бизнес нашего города переживает не лучшие времена. Этот взрыв может стать настоящей катастрофой для туристических компаний.

– Эти бизнесмены вечно всем недовольны, – проворчал Ван-Ин. – Они готовы кричать «караул!», если их прибыли упадут хотя бы на пять процентов. Они способны продать все, что осталось от памятника Гезелле. Помяни мое слово.

– Думаю, мэр Моенс был бы с тобой не согласен, – возразил Версавел. – Ты зря отзываешься о нем с таким пренебрежением. В конце концов, забота об экономике города – его прямая обязанность. И он неплохо с ней справляется.

– А что говорит об этом Картон? – спросил Ван-Ин.

– Он дал понять, что Моенс хочет, чтобы мы не слишком афишировали наше расследование, – ответил Версавел и со значением посмотрел на комиссара.

– Ну конечно, наш мэр готов на все, лишь бы его репутация не пострадала, – поморщившись, заключил Ван-Ин. – Даже если команда спасателей начнет истреблять акул-людоедов, угрожающих жизни и здоровью туристов на побережье Цибрюгге, Моенс и тут постарается, чтобы об этом никто не узнал. Держу пари, власти нашего города представят сегодняшнее происшествие как несчастный случай. Терпеть не могу этих лицемеров.

Версавел нервно покрутил ус. Он до сих пор не привык к чудачествам и неприкрытому цинизму комиссара.

– Кто-нибудь уже взял на себя ответственность за этот теракт?

– Еще нет.

– Час от часу не легче! – проворчал комиссар. – Он подошел к подоконнику и налил себе вторую за сегодняшнее утро чашку кофе.

– Наверняка они обвинят в случившемся школьников. Это наиболее безопасный и удобный для всех вариант. «Мама, я взорвал памятник Гвидо Гезелле, потому что провалил экзамен по немецкому языку». – Последнюю фразу Ван-Ин произнес тонким, писклявым голосом, подражая провинившемуся школьнику.

– Быть может, взрыв памятника – это акт вандализма, – задумчиво предположил Версавел.

– Вандалы! В нашем городе! Не смеши мою задницу! – воскликнул Ван-Ин.

– Я-то тут при чем? Это одна из версий федералов, – объяснил Версавел.

– Думаю, комиссар Крус тоже так считает, – сердито проговорил Ван-Ин. – Ведь это гораздо удобнее. Проще объявить, что это акт вандализма, чем искать настоящего преступника. Но зачем они это дело взяли себе? Разве им недостаточно расследования убийства Фидла?

– Нет, ты меня неправильно понял. Взрыв памятника будем расследовать мы, а не федералы. На этом настоял мэр.

– Неужели?

Комиссар совершенно успокоился, настроение его улучшилось. Он взглянул на Версавела, который, разговаривая с ним, одновременно делал упражнения для укрепления мышц пресса, стоя у окна.

– Ты уже побывал на месте преступления? – спросил Ван-Ин.

Версавел повернулся к Ван-Ину и покачал головой:

– Еще нет. Туда только что выехала бригада саперов. Они должны сообщить нам, если что-то обнаружат.

– Но почему преступники решили взорвать именно памятник Гвидо Гезелле? – осенила комиссара Ван-Ина неожиданная догадка. – На их месте я выбрал бы какой-нибудь другой объект для своих целей.

– Ты взорвал бы «Мадонну Брюгге»? – усмехнулся Версавел.

Ван-Ин почувствовал, что ему нехорошо. Сначала эта странная фотография Мадонны с лаконосом на заднем плане. А теперь взрыв памятника Гвидо Гезелле. Что-то здесь не так.

– Проклятье! Почему это не пришло мне в голову раньше? – воскликнул комиссар. – Два произведения искусства за несколько дней. Это не может быть совпадением.

– Ты абсолютно прав, таких совпадений не бывает, комиссар, – кивнув, проговорил Версавел.

– Да. А теперь самое время отправиться на место преступления, – заявил Ван-Ин. – Нам незачем терять время понапрасну и ждать новостей от бригады саперов.

Он быстро допил кофе, подошел к вешалке и снял с крючка свою зимнюю куртку.

– Пойдем, – нетерпеливо бросил Ван-Ин.

Когда они спускались по лестнице, Версавел решил немного поддразнить босса.

– Как поживает наша дорогая красotka Ханнелоре? – невинным тоном спросил он. – Надеюсь, у нее все в порядке?

Ван-Ин смерил Версавела испепеляющим взглядом.

– Или, может быть, ты провел всю ночь со своей старой тетушкой, приехавшей из Устенда? – не отставал Версавел.

Ван-Ин остановился и предостерегающе поднял палец.

– Кто бы говорил! А ты в этот четверг отправляешься на «Чиппендейлов», чтобы насладиться их эротическими танцами, – насмешливо улыбаясь, ядовито проговорил комиссар. – Одна маленькая птичка рассказала мне, что ты спрятал билет во внутреннем кармане куртки. Так что на твоём месте я бы не стал заниматься морализаторством.

– Прости, комиссар. Если бы я знал, что ты тоже хочешь пойти на «Чиппендейлов», то обязательно взял бы второй билет.

– Ну ладно, пойдем, – примирительно улыбнулся Ван-Ин.

– Как скажешь, комиссар, – с легкой насмешкой в голосе согласился Версавел.

Навстречу им шли два младших офицера. Они сделали вид, что не слышали разговор Версавела и Ван-Ина.

– Это и есть тот самый Ван-Ин, о котором все говорят? – спросил один из них, тот, что помоложе, как только комиссар с Версавелом исчезли из виду.

– Думаю, это он, – прошептал второй офицер.

– А правда то, что о нем говорят? Что он немного того... – Молодой человек выразительно покрутил пальцем у виска.

– Не знаю, – робко проговорил второй офицер. – Я тоже об этом слышал.

– А Версавел? – Он сделал характерный жест рукой, намекающий на нетрадиционную ориентацию сержанта.

– Сто процентов! – убежденно проговорил второй младший офицер и энергично кивнул в подтверждение своих слов.

Глава 7

Некогда величественный памятник Гвидо Гезелле теперь пребывал в плачевном состоянии. Большой кусок бронзы, отколовшийся от него, упал на припаркованную неподалеку «мазду», придав японской машине вид сплюсненной консервной банки. Должно быть, ее владелец пожалел, что припарковал машину не в том месте и не в то время. Что касается, самой «мазды», то она явно испытала культурный шок.

– Бедный Гвидо!

– Прости? – удивленно уставился на комиссара Версавел.

– Я имел в виду не тебя, Версавел. Посмотри на этого бедного искореженного классика.

От нашего величайшего поэта остались одни рожки да ножки.

– Не нужно говорить о нем в таком тоне, он этого не заслуживает, – возмутился Версавел. – Перестань бунтовать против всего и вся. Это напрасная потеря времени и сил. Поэзия Гвидо бессмертна.

– Быть может, это и так, сержант, – неуверенно согласился Ван-Ин. – Но его стихи, на мой взгляд, немного дилетантские.

– А я все равно очень уважаю Гезелле. И всегда буду уважать, – обиженно заявил Версавел. – Я люблю его стихи всем сердцем.

– Охотно верю.

– Ни один из современных поэтов даже мизинца его не стоит, – с жаром заявил Версавел и глубоко вдохнул холодный зимний воздух. Насмешливые замечания Ван-Ина о его любимом поэте явно возмутили Гвидо.

Я столько лет с тобою счастлив был,
Но миг безумья наше счастье погубил.
Теперь, чтоб вымолить твое прощенье,
Я посвящаю все цветы, все вдохновенья
Тебе одной. Прости, и мы опять
Нектар, как пчелы, будем собирать, —

с чувством процитировал Версавел.

Как ни странно, стихи Гезелле в исполнении Версавела тронули Ван-Ина. Быть может, эти простые, незамысловатые строки как нельзя лучше подходили к сегодняшнему настроению комиссара. А может быть, дело было в певучем мягком баритоне Гвидо.

– А я и не знал, что ты такой поклонник Гвидо Гезелле, – с искренним восхищением произнес Ван-Ин.

Версавел бросил задумчивый взгляд на свинцовое небо. «Как странно иногда действует на людей снег», – подумал он.

– Как бы там ни было, это был прекрасный памятник Гвидо Гезелле, – заметил Версавел. – А теперь он развалился на куски.

Полицейские огородили лентой место преступления. Несмотря на то что стоял февраль и было очень холодно, на площади Гвидо Гезелле собралась целая толпа туристов. Они расталкивали друг друга локтями, стараясь подобраться как можно ближе к ленте. Эти праздные зеваки боялись упустить малейшую деталь. «Прямо как зрители в театре», – с неприязнью подумал Ван-Ин.

– Слава богу, что сейчас зима и хотя бы нет москитов, – съязвил Ван-Ин, с трудом продираясь сквозь толпу.

Завидев Версавела и Ван-Ина, офицер помахал им и опустил ленту, чтобы они беспрепятственно прошли к месту преступления. Прибывший незадолго до них Лео Ванмаэль бросился Ван-Ину и Версавелу навстречу. Его короткие ножки увязали в снегу.

– Зло никогда не дремлет, не так ли? – весело проговорил Лео. Он, по своему обыкновению, пребывал в прекрасном расположении духа.

– В баре при гостинице «Гезелле» подают прекрасный кофе с коньяком, – сообщил Лео, подмигнув комиссару.

Ван-Ин осмотрелся. Все были заняты делом. И у него не было никаких причин отказываться от предложения Лео.

– Заодно вы обо всем мне расскажете, – весело отозвался Ван-Ин. – Лучше это сделать в тепле. День сегодня на удивление холодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.